

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT

№ 1

Scientific quarterly

Moscow 2021

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ

№ 1

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2021

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, *д-р ист. наук, проф.* (председатель)

Н.И. Архипова, *д-р экон. наук, проф.*

Л.Н. Вдовиченко, *д-р социол. наук, проф.*

В.Д. Губин, *д-р филос. наук, проф.*

Гудрун Ершов, *доктор* (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

Г.Г. Ершова, *д-р ист. наук*, В.И. Заботкина, *д-р филол. наук, проф.*

Г.И. Зверева, *д-р ист. наук, проф.*, И.И. Исаев, *канд. филол. наук, доц.*

В.А. Колотаев, *д-р филол. наук, проф.*, Н.Л. Лепе, *канд. физ.-мат. наук, доц.*

А.П. Логунов, *д-р ист. наук, проф.*, Б.И. Медведев, *канд. экон. наук, доц.*

С.Ю. Неклюдов, *д-р филол. наук, проф.*, О.В. Павленко, *канд. ист. наук, доц.*

Н.В. Ростиславлева, *д-р ист. наук, проф.*, И.С. Смирнов, *канд. филол. наук*

А.А. Столяров, *канд. ист. наук, доц.*, П.П. Шкаренков, *д-р ист. наук, проф.*

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, *гл. ред., канд. ист. наук, доц.*, И.П. Азерникова, *канд. ист. наук, доц.*;

П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц.*, Ю.Г. Бит-Юнан, *канд. филол. наук, доц.*;

Н.А. Комочев, *канд. ист. наук, доц.*, Е.А. Косован, *канд. ист. наук, доц.*;

И.С. Курилович, *канд. филос. наук, с.н.с.*, С.С. Новосельский; Е.П. Охапкина;

Н.В. Петров, *канд. филол. наук, доц.*; Н.С. Петрова, *канд. филол. наук, н.с.*;

Л.А. Печищева, *канд. ист. наук, доц.*; Н.А. Филин, *канд. ист. наук, доц.*;

Л.С. Холкина, *канд. филол. наук, с.н.с.*

Ответственные за выпуск:

П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц.*

И.Н. Косиченко, *канд. ист. наук, ст. преп.*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы интеллектуальной истории

<i>П.А. Алипов</i>	
Предисловие	9
<i>Д.А. Бакланов</i>	
Михаил Карпович: штрихи к интеллектуальной биографии	13
<i>И.К. Селиверстов</i>	
Отечественный кинематограф в предреволюционные годы. Формирование «эпоса городского мещанства» между идеологией и рынком	19
<i>В.В. Слискова</i>	
«Омолаживающий импульс»: исследования в Институте экспериментальной биологии в 1920-е гг.	25
<i>К.С. Дедушенко</i>	
Наука отдыхать: моделирование реальности в журнале «Сельская молодежь» (1965–1985 гг.)	30
<i>М.А. Романова</i>	
«Будка гласности» как феномен независимого российского телевидения	36

Латинская Америка: грани истории

<i>И.Н. Косиченко</i>	
Предисловие	41
<i>В.К. Мусин</i>	
Экономические методы в исследовании социально-экономической истории Чили периода диктатуры А. Пиночета (на примере модели Р.М. Солоу)	44
<i>Е.А. Балкова</i>	
Эволюция образа Льороны в мексиканском кинематографе	50

Б.А. Правоторов
Становление и деятельность православной церкви
в Южной Америке (1887–1917) 60

К.С. Шевякова
В поисках «черного золота»: латиноамериканский эпизод
в научной биографии Ф.А. Требина 66

Статьи в номер

В.О. Неруш
Учебные планы для «северян»: об одном межведомственном
конflikте в Ленинграде в 1925–1930 гг. 70

Кафедра

Е.А. Долгова
Методические рекомендации
к построению дисциплины «Историческая психология» 79

Abstracts 89

Сведения об авторах 94

CONTENTS

Problems of intellectual history

<i>Alipov Pavel A.</i> Introduction	9
<i>Baklanov Daniil A.</i> Michael Karpovich: touches to epy intellectual biography	13
<i>Seliverstov Igor K.</i> Russian cinema in the pre-revolutionary years. The formation of the “epic of urban philistinism” between ideology and the market	19
<i>Sliskova Valeriya V.</i> “Rejuvenating impulse”: scientific researches at the Institute of Experimental Biology in 1920s	25
<i>Dedushenko Konstantin S.</i> A study of relaxing: the modeling of reality in the magazine “Selskaya molodezh” (1965–1985)	30
<i>Romanova Mariya A.</i> “The Booth of Glasnost” as a phenomenon of independent Russian television	36
Soviet scientific experiment of the 1920s: fantastic ideas and social practice	
<hr/>	
<i>Kosichenko Ivan N.</i> Introduction	41
<i>Musin Vadim K.</i> The economic models in historical studies through the explanation of the Chilean “economic miracle” from the point of view of the neoclassical Solow-Swan model	44
<i>Balkova Elizaveta A.</i> Evolution of the image of La Llorona in the Mexican cinema	50

<i>Pravotorov Boris A.</i> Formation and activity of the Orthodox church in South America (1887–1917)	60
---	----

<i>Shevyakova Kseniya O.</i> In search of “black gold”: a latin american episode in the scientific biography of Foma A. Trebin	66
--	----

Plots

<i>Nerush Varvara O.</i> Curricula for “The Northern Rabfac”: about an interdepartmental conflict in Leningrad in 1925–1930	70
--	----

The Department

<i>Dolgova Evgeniya A.</i> Historical Psychology: classroom discussion plans and methodological guidelines	79
--	----

Abstracts	89
-----------	----

General data about the authons	94
--------------------------------	----

Проблемы интеллектуальной истории

П.А. Алипов

Предисловие

Редакция журнала «Гуманитарный акцент» традиционно поддерживала и поддерживает курс на освещение наиболее интересных проектов, реализуемых в Российском государственном гуманитарном университете и способствующих развитию студенческой науки в разных областях знания. При этом возможность быть напечатанным в «Гуманитарном акценте» давно уже стала одним из самых весомых стимулов для молодых исследователей, которые только начинают свой путь в большой науке, но, как и любой «взрослый» ученый, вынуждены в конкурентной борьбе с особой тщательностью оттачивать свою научную мысль и облекать ее в корректную, литературно безупречную форму.

В этом номере мы хотим представить вашему вниманию пять избранных статей, подготовленных в рамках работы над совместным научно-образовательным проектом «Политика памяти и проблемы исторической экспертизы», проводимом Российским государственным гуманитарным университетом и Историческим парком «Россия – моя история». Данная инициатива стала возможной благодаря подписанному 5 сентября 2020 г. широкоформатному Соглашению о сотрудничестве РГГУ с Историческим парком. Участники проекта, как студенты, так и их старшие коллеги, имеют возможность попробовать свои силы в самых разных отраслях современной исторической науки: от теории и методологии исторического познания до источниковедения, от истории научных открытий XX в. до вопросов политики памяти и различных аспектов исторической коммеморации.

Для публикации в текущем номере «Гуманитарного акцента» нами были отобраны работы, связанные в большей или меньшей степени, как тематически, так и методологически, с чрезвычайно популярным сегодня направлением в исторической науке, именуемом интеллектуальной историей, а также с сопредельными направлениями, в фокусе которых находится мысль человека со всеми ее абберациями и трансформациями.

Публикуемый ниже текст Д.А. Бакланова «Михаил Карпович: штрихи к интеллектуальной биографии» посвящен одной из центральных фигур русского научного зарубежья, основателю собственной школы, учителю и вдохновителю целой плеяды историков, составивших впоследствии гордость американской русистики XX в. Написанная в русле интеллектуальной истории, статья охватывает самые разные стороны жизни ученого, но главным стержнем повествования остается при этом его научное и педагогическое наследие. Тщательный анализ становления взглядов М.М. Карповича на русскую историю, их трансформация и складывание особого стиля в его творчестве осуществлены автором последовательно и по-хорошему въедливо. Д.А. Бакланову удалось не только выявить базовые компоненты и предпосылки формирования главного труда Михаила Михайловича – его курса лекций по интеллектуальной истории России, но и отметить в критическом ключе некоторые недостатки авторского подхода ученого, связанные с его внутренними политическими убеждениями и открытым неприятием новой советской власти.

Работа И.К. Селиверстова «Отечественный кинематограф в предреволюционные годы. Формирование “эпоса городского мещанства” между идеологией и рынком» создана в парадигме новой культурной истории. Автору удалось удачно вписать анализ дискурса игрового кино начала XX в. в широкий социально-политический контекст своего времени. В статье подробно рассмотрены попытки вывести киноискусство того времени на новый художественный уровень, добавить ему психологизма и даже вплести в политическую повестку дня, используя в качестве транслятора государственной идеологии. Как замечает исследователь, ни одно ни другое не удалось осуществить. В условиях рыночной экономики предреволюционной поры давление интересов частного бизнеса, ориентированность на широкую публику сделали кинематограф, с одной стороны, чрезвычайно популярным массовым развлечением, а с другой – низкопробным суррогатом высокого искусства в глазах интеллигенции и непригодным политическим инструментом с точки зрения властной элиты.

Ранний советский период нашел свое отражение в публикации В.В. Слисковой «“Омоложивающий импульс”: исследования в Институте экспериментальной биологии в 1920-е гг.». Будучи молодым, но уже зарекомендовавшим себя в широких научных кругах исследователем, автор продолжает серию своих изысканий в области истории науки молодой Советской России. На этот раз в поле ее внимания попали опыты по омоложению и поддержанию репродуктивной функции человека, известные каждому по литературным произведениям М.А. Булгакова. Однако можно уверенно утверждать, что, читая классическую литературу – «Собачье сердце» или «Роковые яйца», вряд ли кто-либо всерьез предполагает, что подобные биологические эксперименты имели место на самом деле. Валерия Викторовна в очередной раз по-научному хладнокровно шокирует нас откровением: такие эксперименты были, и не

просто такие, а многократно более дерзкие и смелые. Умение исследователя найти столь яркие сюжеты из истории отечественной науки перерастает в совершенно иную плоскость: сама история России, а затем и СССР обретает новые краски. Мы меняем свое отношение к рассматриваемой эпохе и меняем отношение к науке как сфере человеческого духа – в этом нам видится особое свойство творческой лаборатории В.В. Слисковой.

Советскую тему, но уже в гораздо более поздний период, затронул в своей публикации и К.С. Дедушенко. Его статья «Наука отдыхать: моделирование реальности в журнале “Сельская молодежь” (1965–1985 гг.)» посвящена интереснейшему сюжету: досуг молодого поколения советских людей, проживавших на селе, до сих пор не привлекал специального внимания исследователей. Да и сама эпоха, которую принято презрительно называть «застоем», на первый взгляд как-то не располагает к серьезному вдумчивому анализу. Между тем Константин Сергеевич нашел свой ключ к разработке указанной проблематики, подойдя к вопросу не с точки зрения серых будней, а с позиции изучения идеалов, к которым стремились советские люди и к которым их побуждала господствовавшая идеология. Эта чистота устремлений, полет фантазии, желание жить достойно и интересно отличают молодежь во все времена. Самое страшное – когда человек, который по возрасту должен выражать «юношеский максимализм», вдруг начинает мыслить трезво и расчетливо, «выжимая» из окружающей реальности все, что выгодно лично ему. Работа К.С. Дедушенко, конечно, не о таких людях и не о будничной повседневности. Духовный мир одного из важнейших сегментов советского общества, о котором трудно было и подумать, что он вообще есть, осмыслен автором с научной скрупулезностью, а потому снова позволяет нам во многом перевернуть свое представление об изучаемом времени.

Наконец, статья М.А. Романовой «“Будка гласности” как феномен независимого российского телевидения» погружает нас в атмосферу постсоветской России 1990-х годов. Период, избранный автором для рассмотрения, – не просто неоднозначный. Для большинства граждан нашей страны он навсегда останется в памяти как эпоха безвременья, крушения надежд и разрушения идеалов. Тем смелее и интереснее выглядит исследовательская траектория Марии Александровны. Объектом ее внимания стала программа «Будка гласности», существовавшая на российском телевидении с 1991 по 1993 г. Автор погружается в анализ ее сюжетов с антропологической доскональностью. Настойчиво и упорно разбирая наиболее яркие выпуски, она восстанавливает коллективный портрет россиянина, только-только утратившего свою советскую идентичность и еще не обретшего новое лицо. Страхи перед будущим, сомнения, отчаяние, безысходность, но вместе с тем и рождаемый всем этим негативом народный юмор, безудержная смелость в выражении своих мыслей, невероятные фольклорные перлы новой России – все это заставляет нас посмотреть на свою собственную страну периода тридцатилетней давности глазами Н.Н. Миклухо-

Маклая, попавшего в Папуа-Новую Гвинею. И что самое интересное, порой этот пристальный взгляд побуждает нас самих понять, что недавнее прошлое мы знаем и помним гораздо хуже, чем тот же советский период, хронологически более далекий по отношению к сегодняшнему времени.

Таким образом, читатель «Гуманитарного акцента» имеет полную возможность по меньшей мере пять раз получить состояние облагораживающего шока от тех выводов и открытий, которые приготовили для него публикуемые сегодня авторы. Этот шок, а точнее сказать катарсис, очищающий и возвышающий, могут принести только настоящая наука и высокое искусство. Поэтому устраивайтесь поудобнее, открывайте в своих гаджетах наш электронный журнал и наслаждайтесь мыслями талантливых молодых исследователей, которых мы вам только что попытались представить.

Д.А. Бакланов

Михаил Карпович: штрихи к интеллектуальной биографии

Статья посвящена анализу научного творчества и биографии историка-эмигранта, профессора Гарвардского университета Михаила Михайловича Карповича. Автор рассматривает доэмигрантский период жизни ученого, а также анализирует первые работы историка, написанные в США в 1930-е гг. и ставшие в дальнейшем фундаментом для построения последовательной концепции российской интеллектуальной истории. Особый акцент делается на 1940–1950-х гг. – хронологическом промежутке, явившемся для Карповича пиком академической карьеры. Рассматриваются поздние работы Михаила Михайловича, в том числе «Лекции по интеллектуальной истории России», которые заслуженно считаются вершиной его исследовательских построений, а также преподавательской деятельности.

Ключевые слова: М.М. Карпович, интеллектуальная история, русское зарубежье, американская русистика

Долгое время научное творчество и биография Михаила Михайловича Карповича оставались малоизученными и почти не привлекали внимание специалистов в отечественной исторической науке. С момента распада Советского Союза интерес к ученому стал возрастать. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. начали выходить статьи, посвященные отдельным аспектам биографии исследователя. Уже спустя несколько лет была издана монография Н.Н. Болховитинова¹, в которой наиболее полно на сегодняшний день проанализирована эмигрантская деятельность Карповича.

Важный импульс к изучению личности Михаила Михайловича был дан переводом и публикацией в 2012 г. его знаменитого курса «Лекций по интеллектуальной истории России», на протяжении долгого времени остававшегося известным лишь в узких научных кругах. С этих пор начали активно издаваться работы преимущественно биографического характера, дополняющие и открывающие новые грани крайне насыщенной жизни историка-эмигранта.

¹ Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 141 с.

Карпович был известен своей активной гражданской позицией, энергичной преподавательской, редакторской и общественно-эмигрантской деятельностью. Возможно, именно по этой причине изучение наследия профессора в области истории ушло на второй план и зачастую затрагивалось лишь в рамках анализа биографии Михаила Михайловича. Между тем очевидно, что оно заслуживает более тщательного и глубокого осмысления.

Карпович родился в августе 1888 г. в Тифлисе. С 1906 по 1914 г. учился в Московском университете, где посещал занятия и лекции корифеев российской исторической науки: В.О. Ключевского, М.М. Богословского, Д.М. Петрушевского. В период с 1906 по 1908 г. находился в Европе, слушал лекции в Сорбонне. В 1914 г. Карпович пишет дипломную работу на тему «Александр I и Священный союз (1815–1825 гг.)». Позже Михаил Михайлович признается, что период правления Александра I является для него самым любимым². Также интересен факт, что выпускной экзамен по русской истории Карпович еле ответил на «удовлетворительно», в то время как историю новой философии сдал блестяще³. Юношеская склонность к философии ключевым образом отразится и на его будущих трудах.

В более раннем возрасте, еще в родном Тифлисе, Михаил Михайлович состоял в партии эсеров, был объектом правительственной слежки с 1904 г. В 1905 г. даже был арестован и провел некоторое время в заключении в Мцхетской крепости⁴. Примечательно, что в письме, изъятом у него во время обыска, присутствует собственное указание на то, что он «еще в 1905–1906 гг. являлся одним из главных руководителей этой организации»⁵. Однако юный Карпович быстро отходит от эсеровских идей и уже в августе 1909 г. в письме другу и коллеге Г.В. Вернадскому делится впечатлениями о прочитанных им «Вехах». Он явно намекает на свое уже бывшее членство в партии, упоминая о том, что «оценить всю правду «Вех» может только тот, кто имеет в прошлом некоторые биографические подробности вроде тех, что я имел»⁶.

Весной 1917 г. в жизни Карповича происходит крутой поворот. По приглашению Б.А. Бахметева, профессора и старого друга его родителей, он становится его личным секретарем и направляется в Вашингтон. Предполагалось, что Карпович вернется в Россию не позднее Рождества, однако судьба распорядилась иначе – он остался в Америке навсегда. Будучи дипломатом, Михаил Михайлович продлевает удивительную карьеру, достигнув в итоге поста секретаря посольства. Разумеется, это связано с особым отношением к нему Бахметева. Последний доверял ему безгранично: их деловые и личные отношения поддерживались до смерти Бориса Александровича. Тем не менее дипломатическая карьера Карповича прервалась в 1922 г., что было связано с закрытием Временного правительства России в Вашингтоне. На несколько лет он перебирается в Нью-Йорк.

В 1927 г. его приглашают в Гарвардский университет прочесть курс лекций по русской истории. Вопреки распространенному мнению о том, что до Гарварда Карпович нигде не преподавал, име-

² Болховитинов Н.Н. М.М. Карпович и становление русистики в США // Лики России. СПб., 2004. С. 92.

³ Горинев-мл. М.М. Документальные материалы московских архивов как источник сведений по биографии М.М. Карповича // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына – 2013. М., 2013. С. 222.

⁴ Там же. С. 222.

⁵ Там же. С. 223.

⁶ «Мы живем в совсем особенной атмосфере...»: Письма Михаила Карповича Георгию Вернадскому, 1909–1917 г. // Новый журнал. 2014. № 274. С. 95.

ются сведения, что он работал в Русском народном университете, «читал многочисленные лекции о России на английском языке, делал переводы»⁷. Однако именно 1927 г. является точкой отсчета в крупной академической карьере ученого.

Становление Карповича как исследователя «интеллектуализма» происходило последовательно и постепенно. Если в конце 1920-х – начале 1940-х гг. воззрения ученого реализовывались лишь в отдельных сюжетах, то во второй половине 1940-х гг. они уже были воплощены в полном объеме. Михаил Михайлович начал свой исследовательский путь в 1930 г. со статьи «The Russian revolution of 1917». В своей работе Карпович проводит тщательный и детальный обзор источников о ходе революции в октябре 1917 г., а также о предшествующих событиях. Под конец исследования историк приходит к выводу, что любой настоящий русский демократ, будь то либерал или социалист, «рассматривает Февральскую революцию как кульминацию исторического развития России» и, по фразе А.Ф. Керенского, видит большевистскую фазу революции как «временное отклонение»⁸.

Спустя два года была написана работа «Имперская Россия, 1801–1917», которая долгое время использовалась американскими студентами в качестве учебника. В ее тексте ученым отмечается позитивная роль конституционного эксперимента, ощутимый отход России от авторитаризма, а также наличие бесспорного и всестороннего прогресса во всех сферах жизни общества в начале XX в. – «не только тело, но и душа России становилась сильнее»⁹. Карпович подводит свое повествование к одному из наиболее значимых, сквозных интеллектуальных сюжетов – идее об отсутствии неизбежности Октябрьской революции. Тем не менее кризис 1915–1917 гг., вызванный военными неудачами, стал непреодолимым препятствием мирному развитию. «Война сделала революцию весьма возможной, а человеческая глупость сделала ее неизбежной»¹⁰ – этой поэтической мыслью историк завершает свой труд.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. начали выходить первые работы, посвященные исследованию «интеллектуализма». В первой половине 1940-х был задуман курс «Лекций по интеллектуальной истории России», а также вышел ряд статей, которые впоследствии были положены в его основу. Наиболее значимой является работа «A Forerunner of Lenin: P.N. Tkachev», опубликованная в 1944 г. и имевшая немалый успех в научных кругах. Стоит отметить, что и в СССР, и в Америке внимание к личности Петра Никитича было обусловлено идеологическими соображениями. Представление о Ткачеве как о духовном отце большевизма в США во многом было сформировано именно Карповичем. После войны тема народничества как предтечи ленинского большевизма стала крайне популярной. Советским ученым даже пришлось вступить в дискуссию по этому вопросу со своими заокеанскими оппонентами¹¹.

Карпович подчеркивал в качестве ключевых идеи Ткачева о захвате власти небольшой, но сплоченной и централизованной партией революционного меньшинства, о создании революционного государства для построения нового социалистического общества,

⁷ Кукушкина И.А. Историк-эмигранты. Георгий Вернадский и Михаил Карпович: друзья и коллеги // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 2 (88).

⁸ Karpovich M. The Russian Revolution of 1917 // The Journal of Modern History. 1930. Vol. 2. № 2. P. 278.

⁹ Карпович М.М. Имперская Россия (1801–1917). М.: Аграф, 2001. С. 353.

¹⁰ Там же. С. 359–360.

¹¹ Худолеев А.Н. Изучение революционной теории П.Н. Ткачева в отечественной историографии второй половины 1960-х – 1970-х гг. // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 259.

выделял его теорию исторических «скачков», которую признавал «самым оригинальным его достижением»¹² и др.

Несмотря на то что основным объектом исследования в данной статье формально был Петр Никитич, труд историка, в первую очередь, был направлен на дискредитацию ленинского большевизма. Карпович стремился доказать, что ленинизм не имеет почти никакого отношения к классическому марксизму, а произрастает скорее из народнической традиции и при этом вбирает в себя далеко не лучшие ее составляющие.

Михаил Михайлович постулирует мысль о том, что большевизм есть не что иное, как рудимент на теле российской истории, а Ленин – это не кто иной, как волюнтарист и бланкист, в то время как режим его был установлен совершенно случайно. Сквозная идея данной работы получила свое развитие спустя несколько лет в «Лекциях по интеллектуальной истории России»¹³.

Данный курс по праву считается квинтэссенцией интеллектуальных построений новоиспеченного профессора (коим Карпович стал в 1946 г.) и пиком его преподавательской деятельности. Ученый дает определение «интеллектуальной истории» как промежуточной сфере между политикой и философией, обозначая, что идеи оказывают влияние на политику в широком смысле. Для него это прагматическая философия, т. е. та, которая может быть применима к реальным проблемам индивидуальной и социальной жизни человека¹⁴. В курсе отчетливо прослеживаются особенности видения и трактовки интеллектуальной истории России Карповичем. В их числе художественная литература как основной двигатель культуры, персонификация отдельных периодов и течений в лицах писателей и поэтов, привлечение широкого спектра художественных произведений и др. Огромную роль играет превосходное знание профессором европейской истории и литературы, что выражается в активном применении компаративистского подхода.

Карпович, как правило, не настаивает на собственном мнении и предлагает слушателям свободу интерпретации предоставленной информации. Тем не менее историк склонен уделять больше внимания теориям, которые он не разделяет – славянофильству, консервативному национализму, марксизму, большевизму. Данная тенденция особенно ярко видна на контрасте с почти полностью нераскрытой темой западничества и либерализма.

В 1950-е гг. Михаил Михайлович становится по-настоящему востребованным ученым, одним из виднейших русистов в США того времени; «школа» Карповича признается сильнейшей во всей стране. Однако последнее десятилетие жизни историка не было насыщено частым выходом научных публикаций. Профессор преимущественно посвятил себя редакторской, административной деятельности, активно принимал участие в эмигрантской общественной деятельности, а также немало времени посвящал больной жене. Несмотря на то что работы выходили редко, они отличались содержательностью, лаконичностью и вызвали бурный отклик в академической среде.

¹² *Karpovich M. A Forerunner of Lenin: P.N. Tkachev // The Review of Politics. 1944. Vol. 6. № 3. P. 339.*

¹³ *Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012. 351 с.*

¹⁴ Там же. С. 30.

За десятилетие после первого прочтения курса вышло несколько значимых научных трудов профессора. Мы остановимся на двух из них. Первая статья – «Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков» вышла в 1955 г. С первых строк становится понятно, что Карповичу была ближе позиция Маклакова. Осуществление своих политических целей последний видел через эволюционный путь, без каких-либо разрушений существующей общественно-социальной и политической структуры. Он был сторонником правового обеспечения охраны прав человека и его свобод. Лидер кадетов Милюков описывается ученым как политически более подкованный и радикальный представитель либерального лагеря, чьи взгляды произрастали от декабристов, Герцена и позднейших революционеров XIX в. «Если Маклаков смягчал опасность реакции, то Милюков, по-видимому, смягчал опасность революции», – пишет Карпович. Для него настоящие «враги были справа, а не слева»¹⁵.

Примечательно, что политические взгляды молодого Карповича во многом были схожи с взглядами Милюкова. Членство и активное участие (по крайней мере, до 1909 г.) в партии эсеров, увлечение общественно-резонансной литературой (сборник «Вехи»), положительное отношение к Февральской революции представляют юного историка как вполне радикального либерала, каким и являлся Милюков. Более того, в симпатии к лидеру кадетов он признавался сам. В письме Вернадскому от 1912 г. Карпович, посетив вечер памяти Герцена, особенно отметил выступление Милюкова: «Слушая его, глядя на его фигуру, на его жесты, я подумал, что это политический оратор английского или даже американского типа. Это чувство было во мне так сильно, что я бы не удивился, если бы он заговорил по-английски»¹⁶.

Постепенно, с возрастом, взгляды и унастроения Михаила Михайловича начали претерпевать метаморфозы: радикализм если и присутствовал, то исключительно в отношении советской власти, а также в вопросе об обеспечении правовой гарантии высшей ценности – человеческой свободы во всех ее проявлениях. Карпович-профессор, несомненно, стал ближе к пути «земского либерала» Маклакова.

Другая статья – «Традиции русской общественной мысли» – вышла свет в 1957 г. Данная работа стала своего рода научной «лебединой песней» Михаила Михайловича и его последней филиппикой в адрес советской власти. Карпович вступает в прямую конфронтацию с заокеанскими коллегами по причине неприятия им подхода, заключающегося в утверждении полной независимости русской общественной мысли от западного влияния и в забвении многочисленных представленных ими течений.

В рассмотрении генеалогии большевизма Карпович подчеркнул, что это движение есть не что иное, как амальгама, в которой Ленин смешал наиболее отрицательные и устарелые плоды наследия марксизма и народничества. Награду в «изобретении тоталитарного государства» историк также преподносит Владимиру Ильичу: «Муссолини и Гитлер были только учениками и подражателями»¹⁷. В советской действительности профессор видит искаже-

¹⁵ Карпович М.М. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // Опыт русского либерализма. М.: Канон, 1997. С. 403.

¹⁶ «Мы живем в совсем особенной атмосфере...». С. 110.

¹⁷ Карпович М.М. Традиции русской общественной мысли // Судьбы России. Нью-Йорк. 1957. С. 24.

ние исторически обоснованных традиций русской общественной мысли. Человек стал не более чем средством для достижения революционных идей, а идея служения народу была заменена на «властное руководство»¹⁸.

В том же 1957 г. Карпович оставляет должность профессора Гарвардского университета и уходит на заслуженную пенсию. Вероятно, Михаил Михайлович мог бы проработать и несколько дольше, но по академическим законам того времени преподаватель должен был освободить свое место до наступления семидесятилетия. Тем не менее Карпович до последних месяцев жизни не покидал кресло главного редактора «Нового журнала». Будучи на пенсии, вместе с другом и коллегой Г.В. Вернадским планировал написать объемный десяти томный труд по истории России, в котором отвечал за главы, посвященные XIX–XX вв. Однако его замыслам не суждено было сбыться – Карпович умер от рака в ноябре 1959 г.

Итак, уже в первые эмигрантские годы перед Карповичем встали две важнейшие интеллектуальные задачи: первая – защита дореволюционной России, вторая – борьба с Советским Союзом. Ученый должен был выстроить грамотную стратегию преподнесения знаний студентам (и не только) о прошлом своей Родины, сформировать правильную парадигму в умах слушателей. Пожалуй, важнейшей составляющей в достижении этой цели явился его отказ от идеи особого исторического пути развития России.

Профессор был сторонником западнического тезиса о неразрывности путей развития Европы и той России, которую он когда-то знал. Он не мог согласиться с тем, что между политикой российского империализма и советской экспансией было что-то общее. Как верно заметила А. Зейде, это был вопрос «не только индивидуальной идентичности... но и вопрос будущего России и русского народа»¹⁹.

Карпович отрицал принцип исторического детерминизма: «Не существует ничего окончательного. Вы никогда не можете сказать: конечная цель достигнута»²⁰. Он пытался показать нежизнеспособность и стихийность формирования марксистского движения ко времени революции, не переставая верить в возрождение прежней России. И все его усилия прямым образом были направлены на претворение этой идеи в жизнь.

Оказавшись вдали от родины, Карпович, без всякого сомнения, достиг феноменальных научных и педагогических высот. Он запомнился своим высоким моральным авторитетом, превосходной научной эрудицией, легким и дружелюбным характером. Профессор оставил после себя громадное научное наследие, которое выразилось не только в его трудах, но и в многочисленных воспитанниках. Из-под его крыла вышла мощнейшая плеяда историков-русистов: М. Раев, Р. Пайпс, М. Малиа, Н. Рязановский, Л. Хеймсон и др. Не будет преуменьшением сказать, что именно эти имена десятки лет спустя стали во главе американской русистики, возглавили кафедры лучших вузов США и успешно продолжили дело, начатое их выдающимся учителем.

¹⁸ Там же. С. 23–24.

¹⁹ Zeide A. Creating A Space of Freedom: Mikhail Mikhailovich Karpovich and Russian Historiography in America // *Ab Imperio*. 2007. № 1. P. 258.

²⁰ Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории... С. 271.

И.К. Селиверстов

Отечественный кинематограф в предреволюционные годы. Формирование «эпоса городского мещанства» между идеологией и рынком

Статья посвящена выявлению тенденций и особенностей развития отечественного кинематографа в 1910-е гг. в условиях складывания новой городской культуры. Властный дискурс, теоретический дискурс и дискурс публики связываются вокруг единого представления о кинематографе и формировании специфического «словаря» изучаемого десятилетия. Автор подчеркивает, что психологический сдвиг кинематографа в 1910-е гг. открыл новый полюс кинематографа, противоположный эксцентрическому или балаганному, предназначенному сугубо для развлечения городских низов, но его успех у публики был непродолжительным. Однако и роль власти и властного дискурса не была велика. Несмотря на попытки огосударствления, российский кинорынок все еще работал на публику, а не на государственный заказ.

Ключевые слова: дореволюционный кинематограф, дискурс-анализ, интеллектуальная история, психология масс, идеология

Шкловский В.Б., пытаясь определить хронологические рамки развития кино на исходе второго десятилетия прошлого века, писал: «В кинематографии сейчас мы – дети. Мы едва только начинаем думать о предметах своей работы, но уже можем сказать, что существуют какие-то два полюса кинематографии, из которых каждый будет иметь свои законы»¹.

Представляется, что к такому делению кинематографии на полюса исследователя подтолкнула сложившаяся к концу 1910-х гг. атмосфера в кинематографической среде. Менялись тенденции, кино все реже стало восприниматься как маргинальное зрелище. Режиссеры А.А. Ханжонков и А.О. Дранков снимают императора, Л.Н. Толстого и других крупнейших представителей российского общества². Возник новый полюс осмысления кинематографии в области психологического фильма с вытекающими проблемами

¹ Шкловский В.Б. Поэзия и проза в кинематографии // Поэтика кино: Теоретические работы 1920-х гг. М.: Академический проект: Альма-Матер, 2016. С. 153.

² Шкловский В.Б. За 60 лет: Работы о кино. М.: Искусство, 1985. С. 96.

переложимости материала «старших» искусств на кинематограф и первых попыток государства подвергнуть цензуре пестрящий различными цветами молодой российский кинорынок.

Несмотря на растущее количество экранизаций русской классики, возник вопрос о столкновении кинематографа и литературы, причем последствия этого феномена нашли свое отражение не только в среде творческой интеллигенции, но и на уровне политической элиты. В 1910-е гг. предпринимаются первые попытки решить проблему совместимости киноматериала с высокой литературой. Этот вопрос приобрел широкую огласку в среде московской и петербургской интеллигенции, впоследствии добравшись до высоких постов российской власти³. В газете «Россия» публикуются материалы следующего характера: «Много всяких глупостей и гадостей дает нам кинематограф, но всему должен быть предел... Для молодежи нет большей опасности, чем эти, развращающие и безвкусные представления кинематографа, который своей сенсационной и бесстыдной рекламой умеет так действовать на инстинкты масс...» и т. п.⁴

Драматург А.И. Косоротов в журнале «Театр и искусство» вообще требует от театра не слагать «оружия и идти до победного конца» против «социальной опасности» кино⁵. С такой же реакционной критикой обрушился на кинематограф К.И. Чуковский в статье «Нат Пинкертон и современная литература», подчеркивая эксцентрическую природу кино и своеобразное понятие смеха и смешного в кинематографе: «Сумасшедшие едят мыло, сталкивают в воду какую-то женщину, выпивают бутылку бензину, – может быть, это смешно где-нибудь на Сандвичевых островах, но для нас, без кольца в носу, немного странен такой комизм в пятьдесят лошадиных сил»⁶.

Грубость и «не-элитарность» кинематографа на начальном этапе вместе с его беспрецедентным ростом⁷ стали главной причиной беспокойства российской культурной элиты. Между театром и кинематографом теоретики усматривают связь, основываясь на феномене Ч. Чаплина, Глупышкина, М. Линдера, Паксона, Б. Китона, т. е. непосредственным использованием «масок», сродни итальянской комедии «дель арте»⁸. Не имея возможности словесного описания, автор фильма, согласно теоретическим выкладкам того времени, прибегает либо к титру, либо к характеризующему предмету – отсюда характерная внешность, типаж. Именно принцип типажа приводит к появлению постоянных исполнительских «масок»⁹, что, очевидно, сближало кинематограф с фольклором и, как следствие, еще больше отдаляло его от «элитарности». Однако в осмыслении кинематографии был сделан еще один виток.

Разгоревшийся в 1910-е гг. теоретический спор в кругах интеллигентского мира оказал заметное влияние на кинопроизводство¹⁰. В «Киножурнале» появилась следующая заметка: «За два последние года резко изменились вкусы и требования широких народных масс по отношению к экрану; не то кинематограф поднял публику к себе, не то обратное... публика пошла на картины без сенсации... и даже без “имен”»¹¹.

³ Там же. С. 93.

⁴ Лихачев Б.С. Кино в России (1896–1926). Материалы к истории русского кино // Поэтика кино: Теоретические работы 1920-х гг. М.: Академический проект: Альма-Матер, 2016. С. 422.

⁵ Там же. С. 422.

⁶ Чуковский К.И. Нат Пинкертон и современная литература. М.: Современное творчество, 1910. С. 20–42.

⁷ Властям Москвы, например, пришлось даже прибегнуть к специальным постановлением: «электрические театры... ввиду их ненормального развития... должны открываться не ближе чем на 150 сажен один от другого». Лихачев Б.С. Указ. соч. С. 357.

⁸ Там же. С. 244–245.

⁹ Пиотровский А.И. К теории киножанров // Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг.: Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Б.В. Казанский, В.Б. Шкловский, А.И. Пиотровский, Е.С. Михайлов, А.Н. Москвин, Р.О. Якобсон, С.А. Тимошенко, Б.С. Лихачев. М.: Альма Матер: Академ. проект, 2016. С. 168–169.

¹⁰ Следует также добавить, что к 1910-м гг. в России появляются собственные кинопредприятия, например, А.А. Ханжонкова, А.О. Дранкова, А. Саввы, И. Ермольева, Р. Перского, П. Чардынина и др.

¹¹ Хренов Н.А. Кино – реабилитация архетипической реальности. М.: Аграф, 2006. С. 161.

«Аттракционная структура повествования», близкая скорее к балаганным зрелищам, отступала перед «психологической драмой». Социальный состав публики второго десятилетия оказался шире, чем городское мещанство и низы, охватывая теперь слои высших сословий общества. Приход в кинотеатры читающей публики на некоторое время определил психологический сдвиг кинематографии¹². К середине 1910-х гг. появляются инсценировки крупнейших литературных произведений русской и зарубежной литературы¹³. В свете вышесказанного уже не представляется странным, почему связи кино и театра оказались так интересны для многих представителей творческой интеллигенции. «Психологическим» кинематограф мог стать лишь в том случае, если бы воспользовался наследием театрального искусства. В первую очередь, это подразумевало отход от чисто сюжетного восприятия «фильмы» и переход к осмыслению литературного наследия, в частности наследия психологического романа, формирования «фабульного» принципа организации, характерного именно для русской литературной традиции¹⁴. Более того, акцент на русской литературе сулил кинематографии место среди высшего сонма искусств, возможность стать одним из главных рупоров царского властного дискурса, в рамках которого на излете 10-х гг. активно звучали призывы к тому, чтобы поставить кино на защиту «нравственности».

Психологический сдвиг кинематографа в 1910-е гг., как уже было отмечено, был связан с притоком новой публики, которая и формировала кинематографический «словарь» второго десятилетия. Примечательно, что в 10-е гг. XX в. формируется также и первое противостояние между читающей публикой и публикой «демократической»¹⁵. Это противостояние улавливается и владельцами кинотеатров, которые в соответствии со вкусами своих зрителей формировали кинопрограммы. Существовали и элитные кинотеатры, т. н. первоэкранные кинематографы, которые первыми показывали новинки. Они были также заточены на демонстрацию определенных жанров¹⁶. К 1913 г. видно характерное исчезновение хроники, небольшое число видовых и научных картин и огромный наплыв художественных фильмов преимущественно русского производства¹⁷.

Впрочем, попытка переложения литературного материала была осуждена теоретиками, в частности А.Н. Веселовским в работе «Историческая поэтика», предложившего систему «адаптации и снижения» литературного материала: «Адаптация – приспособление, прилаживание – включает в себе динамику такой обработки, в которой есть материал (литература) и есть некий эталон, к каковому материал приспособляется (тип или типы фильма того времени). “Снижение” – направление обработки материала. Следовательно, возникает и проблема в адаптации литературного материала, если преследуется цель полностью передать аспекты литературы в кино, что, конечно же, невозможно. Тем самым мы получаем только лишь “скелет без плоти”»¹⁸.

Кино, таким образом, быстро овладевает методом нивелировки материала, приравнивая друг к другу беллетристику и высокую

¹² *Пиотровский А.И.* Указ. соч. С. 164

¹³ «Братья Карамазовы» (1915 г., реж. И. Сойфер), «Анна Каренина» (1914 г., сц. и реж. В. Гардин), «Воскресение» (фильм назывался «Катюша Маслова», 1915 г., реж. П. Чардынин), «Крейцера соната» (1914 г., реж. В. Гардин), «Семейное счастье» (1916 г., сц. и реж. Я. Протазанов), «Отец Сергей» (1918 г., реж. Я. Протазанов). Лишь в 1915 г. появились три версии «Войны и мира»: «Натasha Ростова» (реж. П. Чардынин), «Война и мир» (сц. и реж. В. Гардин и Я. Протазанов), «Война и мир» (сц. и реж. А. Каменский). В 1913 г. был экранизирован «Обрыв» И. Гончарова (реж. П. Чардынин) и др.

¹⁴ *Пиотровский А.И.* Указ. соч. С. 164.

¹⁵ *Хренов Н.А.* Указ. соч. С. 166.

¹⁶ *Михайлов В.П.* Рассказы о кинематографе старой Москвы. М.: Материк, 2003. С. 264–268.

¹⁷ *Лихачев Б.С.* Указ. соч. С. 438–439.

¹⁸ Цит. по: *Зоркая Н.М.* На рубеже столетий. М.: Наука, 1976. С. 106.

литературу в рамках того или иного жанра, знаменателя. Экранизация обозначала лишь сокращение, обеднение и упрощение литературного оригинала¹⁹. «Процеживая» литературу через свой фильтр, кинематограф представляет собой явление «массового» общества. Примерно с такими же настроениями выступили и более поздние исследователи, акцентируя внимание на том, что проблемой создания теории кино является отделение его специфического материала и его технических законов от театральных и литературных заимствований. Под такой род заимствований как раз и попадала «кинодрама» с ее установкой на интригу, драматическое действие и столкновение характеров²⁰.

Теория Веселовского приведена здесь неспроста. «Историческая поэтика» была написана в 1910-е гг., и потому приведенные выше теоретические выкладки вполне можно воспринимать как «синхронный» корпус антропологических наблюдений, то есть замечания современника и свидетеля событий. Это значит, что система «адаптации и снижения», предложенная А.Н. Веселовским, намечает главную проблему, разрешение которой выпадет на плечи поздних исследователей и деятелей кино – проблему выделения сугубо кинематографического «сырья» или сугубо кинематографической сущности; и заимствованного из других искусств – литературного и театрального наслоения. «Анна Каренина» на экране – это не то же самое, что «Анна Каренина» литературная. Во многом эта проблема не могла решиться в атмосфере 10-х гг. XX в., инсценировки художественной литературы по сути своей ничем не отличались от «одночастевок» прошлого десятилетия. То есть отличия, конечно же, были, но это отличия количественного характера: увеличение хронометража лент, внешнее влияние обстоятельств. Из теоретического лона мы попадаем на фактическое доказательство «несостоятельности» психологической кинематографии 1910-х гг. в качестве проводника русской литературной традиции.

В 1910-е гг. российский кинематограф попадает под наблюдение государства. Обстоятельства Первой мировой войны сказались на развитии кинорынка. Парадоксально, но до 1914 г. русские киноделы вынуждены были постоянно находиться под прессом более развитых стран-экспортеров кинопродукции. С 1913 г. производство отечественных фильмов неуклонно растет: если в 1913 г. общее количество составляло около 129 лент, то в 1916 г. – уже 500. Общее число зрителей в Российской империи в 1910 г. составляло 100 миллионов человек, а через пять лет превысило 150 миллионов²¹. Постепенно область кинематографии входит под крыло действующей власти: отныне перед этой отраслью искусства ставятся задачи просветительского характера. Монополизация кинодела приводит к сокращению электротеатров, введению цензуры и финансовой подотчетности²².

В годы Первой мировой войны возникает первое учреждение государственного уровня, занимавшееся кинодеятельностью, сбором и выпуском кинолент – Скобелевский комитет. Существовая в роли полублаготворительной и полувоенной организации, комитет занимался выдачей пособий жертвам и ветеранам Русско-

¹⁹ Там же. С. 141.

²⁰ Пиотровский А.И. Указ. соч. С. 160–161.

²¹ Лебедев Н.А. Очерк истории кино СССР: Немое кино [1918–1934]. М.: Искусство, 1965. С. 42–44.

²² Листов В.С. Россия. Революция. Кинематограф: К 100-летию мирового кино. М.: Материк, 1995. С. 24.

японской войны. В марте 1914 г. Военное министерство поручило Скобелевскому комитету производить съемки в войсковых частях для отображения быта и состояния русских войск. Более того, комитет был обязан проводить цензуру демонстрируемых лент по военной тематике: известны большие хроникальные фильмы комитета под названиями «Под русским знаменем» и «Вторая Отечественная война»²³. Так Скобелевский комитет стал первой ступенью для огосударствления кинопромышленности, и нельзя не отметить, что власть в лице Николая II задумалась об использовании кинематографа в политических целях именно в разгар войны, которая, как представляется, явилась своеобразным подспорьем для дальнейшей монополизации кино. Однако возникает сообразный вопрос: были ли намерения власти полностью осуществлены? Если предположить, что кинематограф на фронте был под государственным контролем и выполнял государственные заказы, то внутри страны рост электротеатров был беспрецедентным²⁴. Об отношении власти к кино в период Первой мировой войны свидетельствует цитата министра внутренних дел А.Н. Хвостова: «Необходимо, прежде всего, придать кинематографическим представлениям характер, при котором они могли бы служить не столько развлечением, сколько средством образовательного и воспитательного воздействия на население... значительное сокращение существующих ныне кинематографов, что в свою очередь должно представить выгоды и для казны»²⁵.

Таким образом, к исходу 1910-х гг. мы можем наблюдать следующую картину: «психологический сдвиг» отечественной кинематографии открыл новый полюс кинематографа, противоположный эксцентрическому или балаганному, предназначенному сугубо для развлечения городских низов, но его успех у публики был непродолжительным. «Психологическое» кино, корни которого современники пытались связать с наследием театра и литературы, нивелировало художественную ценность первоадресата. Психологические мотивировки оказались некинематографичными во всех смыслах этого слова. Об этом уже будут говорить теоретики и деятели советского кино, чьей установкой вновь станет возвращение к первоначальному, аттракционному пониманию кинематографа. Скорее всего, бурная реакция интеллигенции, близкой к «литературоцентричной» традиции, показывает нам, что кинематограф все еще был в диковинку для большинства ее представителей. Парадоксально, но это мало касается «маргиналов», среди которых кино становится популярнее литературы и других форм искусства. Нельзя не согласиться с утверждением исследователя, что на каждую прочитанную книгу приходилось пять-шесть посещений кинематографа²⁶. Российское общество столкнулось с совершенно новым явлением, которое сулило большие изменения не только в структуре самого социума, но и в сознании каждого его члена. Согласно мнению исследователя, обреченность «психологического» кинематографа по сравнению с последующим советским этапом его развития обусловлена тем, что предреволюционные годы – это время, когда кинематограф выполнял роль ресентимента²⁷.

²³ Магидов В.М. Источники о деятельности Скобелевского комитета и его роли в отечественном кинопроцессе накануне и в ходе Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 65–81.

²⁴ Властям Москвы, например, пришлось прибегнуть к специальным постановлениям: «электрические театры... ввиду их ненормального развития... должны открываться не ближе чем на 150 сажен один от другого» (Лихачев Б.С. Указ. соч. С. 357).

²⁵ Цит. по: Листов В.С. Россия. Революция. Кинематограф... С. 23.

²⁶ Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М.: Аграф, 2007. С. 21.

²⁷ Хренов Н.А. Избранные работы по культурологии. М.: Согласие, 2014. С. 422.

В ситуации системного кризиса, в котором на рубеже XIX–XX вв. находилось российское общество, в ситуации «социальной аномии», когда в городах оседало огромное количество людей, лишившихся прежних связей с доиндустриальными структурами, кино выполняло компенсаторную функцию. А. Белый писал: «...Все, все: аристократы и демократы, солдаты, студенты, рабочие, курсистки, поэты и проститутки собирались в киноателье»²⁸.

Распространение кинематографа не только в среде «демократических страт», но и в высших слоях российского общества связано в первую очередь с тем, что кино делало первые шаги к объединению разрозненных социальных групп на коммуникативной основе. Попытки царской власти использовать кинематограф в качестве инструмента пропаганды не приобрели того масштаба, который способствовал бы успешному осуществлению намеченных планов. Невозможность «обуздать» кинорынок и неутешительные прогнозы теоретиков и «производителей» кинематографического дискурса по поводу его идеологических целей и задач – все это стало причиной недолговременного существования «психологической драмы» в предреволюционные годы. В свете сказанного становится очевидным и отношение царской власти к феномену кинематографии. Редкие и во многом неудачные попытки регулировать ее распространение были для кинематографа в связке с литературой и театром. Это обусловлено приходом в кинотеатры новой публики, а также с предпринятой в среде интеллигенции и власти попыткой использовать кинематограф как средство «морального и нравственного» воспитания населения. Однако очевидна несостоятельность «психологического» кинематографа в качестве мобилизующего и объединяющего средства. Кинематограф того времени, если опираться на предпочтения публики и показания ряда исследователей, действительно исполнял роль ресентимента. Однако роль власти и властного дискурса не была столь велика. Несмотря на попытки огосударствления, российский кинорынок все еще работал на публику, а не на государственный заказ, минуя тем самым прокрустово ложе идеологии.

²⁸ Белый А. Синематограф // Весы. 1907. № 7. С. 27.

В.В. Слискова

«Омоложивающий импульс»: исследования в Институте экспериментальной биологии в 1920-е гг.

В статье рассматриваются экспериментальные исследования в области омоложения человека, которые реализовывались на базе Института экспериментальной биологии в 1920-х гг. В начале XX в. идея омоложения приобрела особую популярность на волне развития экспериментальных исследований в естественных науках. В советской России она тесно переплеталась с «революционными» утопическими идеями о новом обществе и «новом человеке». Так омоложение оказалось в поле зрения естественных наук и проникло в стены исследовательских лабораторий. Институт экспериментальной биологии занимал ведущую позицию в данном вопросе – именно его сотрудниками реализовывались эксперименты по омоложению животных и человека в Советском Союзе.

Ключевые слова: Институт экспериментальной биологии, биомедицина, омоложение, И.Г. Коган, А.А. Замков, М.А. Егоров

Тема омоложения на протяжении длительного времени привлекала к себе пристальное внимание и порождала разнообразные фантазии в умах людей. Споры о том, каковы шансы у современной науки достичь желаемой цели, продолжаются и в настоящее время. Исследователи выдвигают свои предположения о том, станет ли омоложение частью реальности в недалеком будущем или останется далекой мечтой еще на несколько десятков лет. Однако подобная картина не является новой для истории: в начале прошлого столетия ученые уже задавали этот вопрос и пытались дать на него ответ.

© Слискова В.В., 2021

Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ», проект «Советская наука 1920–1980 гг.: от манифеста к мейнстриму».

В начале XX в. идея омоложения проникла в пространство исследовательских лабораторий и оказалась в фокусе внимания таких областей биомедицины, как эндокринология, трансплантология, физиология и даже гематология. В Советском Союзе проблемой омоложения занимались такие отечественные ученые, как биолог и генетик Николай Константинович Кольцов (1872–1940), биолог Михаил Михайлович Завадовский (1891–1957), хирурги Алексей Андреевич Замков (1883–1942), Иван Григорьевич Коган (1877–1928), а важными исследовательскими центрами стали Институт экспериментальной биологии (далее – ИЭБ) и Лаборатория экспериментальной биологии (ЛЭБ) Московского зоопарка¹. Однако следует отметить, что отправной точкой отечественных исследований стал опыт зарубежных коллег².

В 1910-х гг. австрийский физиолог Эйген Штейнах (1861–1944) выдвинул теорию омоложения организма посредством трансплантации желез внутренней секреции и перевязки семенных каналов³. Таким образом он рассчитывал восполнить недостаток гормонов в крови, которым отводилась главная роль в процессах старения и омоложения. Основываясь на результатах, полученных в ходе экспериментов с животными, Э. Штейнах пришел к выводу о действенности метода – подвергшиеся операции старые крысы вновь обретали способность к воспроизводству потомства. Параллельно в лаборатории Коллеж де Франс (Париж) исследования в области омоложения проводил французский хирург русского происхождения Сергей Александрович Воронов (1866–1951)⁴. Он также был сторонником концепции гормонального омоложения и считал, что истощенная железа должна быть заменена «новой». Произведя ряд экспериментов с подопытными животными в 1910-х гг., С.А. Воронов задумался о проведении операции на человеке. Так, в 1920 г. состоялась первая операция омоложения на человеке, в результате которой С.А. Воронову удалось добиться положительных результатов. Все наблюдения были представлены ученым в монографии «Сорок три прививки от обезьяны человеку (омоложение)»⁵, которая в 1924 г. была переведена на русский язык и опубликована издательством «Книга»⁶. С 1925 г. предпринимались попытки применить метод С.А. Воронова в животноводстве – предполагалось, что он позволит значительно увеличить поголовье скота. Ученый совершил ряд поездок по Французской Африке⁷, в ходе которых обучал ветеринаров и зоологов методике трансплантации тканей – данные о поездке приведены в отчетных документах, сохранившихся в Национальном архиве Франции⁸. Подобная практика существовала и в Советском Союзе: М.М. Завадовский, работавший над вопросами омоложения и физиологии пола в лаборатории Московского зоопарка, также пытался внедрить применение метода в животноводстве⁹.

С появлением в первой половине 1920-х гг. публикаций на тему гормонального омоложения «по Штейнаху-Воронову»¹⁰ развернулась полемика по поводу эффективности метода и

¹ См.: Белозеров О.П. От зоосада к зоопарку: Московский зоологический сад в первое послеоктябрьское десятилетие // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 85–94.

² Гобер А. Старость и омоложение: популярное изложение вопроса о старости и омоложении. М.: Изд. секция Всесоюзкомпома, 1923.

³ Фёрингер М. Авангард и психотехника: Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в послереволюционной России / Маргарета Фёрингер; пер. с немецкого К. Левинсона и В. Дубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 251–253; см.: Steinach E. Verjüngung durch experimentelle Neubelebung der alternden Pubertätsdrüse. Berlin: Julius Springer, 1920.

⁴ См.: Слискова В.В. Собачье сердце Сергея Воронова // Родина. 2020. № 12 (дек.). С. 125–129.

⁵ Voronoff S. Quarante-trois greffes du signe à l'homme. Paris: G. Doin, 1924.

⁶ Воронов С. Сорок три прививки от обезьяны человеку: омоложение. М.; Л.: Книга, 1924.

⁷ В Алжире, Гвинее, Марокко функционировали специальные станции, на базе которых реализовывались экспериментальные исследования на подопытных животных.

⁸ Archives nationales de France (La base de données Léonore). Mission en Afrique [Электронный ресурс]. URL.: http://www2.culture.gouv.fr/public/mistral/leonore_fr?ACTION=CHERCHER&FIELD_1=REF&VALUE_1=%20c-130611 (дата обращения 27.12.2020).

⁹ Белозеров О.П. Становление и эволюция научной дисциплины в социально-политическом контексте: М.М. Завадовский и динамика развития организма: Дис. ... д-ра биол. наук. М., 2019. С. 207–208.

¹⁰ В отечественной периодической печати методы С.А. Воронова и Э. Штейнаха часто отождествлялись.

последствий, которые могла повлечь за собой трансплантация¹¹. Одновременно активное обсуждение на страницах периодической печати способствовало росту популярности идеи омоложения среди отечественного научного сообщества и развитию экспериментальных исследований¹². Так, в 1920-х гг. омоложение стало одним из ведущих направлений исследований в Институте экспериментальной биологии. Следует отметить, что директор института, профессор Н.К. Кольцов, был активным участником дискуссии – об этом свидетельствуют сохранившиеся опубликованные тексты его статей и выступлений¹³, а также изданные под его редакцией сборники, посвященные вопросу омоложения¹⁴. Однако его деятельность касалась, в основном, теоретического аспекта. Экспериментальными исследованиями на базе института занимался Физиологический отдел, к которому были прикреплены И.Г. Коган и позднее М.А. Егоров. Таким образом, важным источником стали представленные сотрудниками отдела отчеты о научной работе.

В 1923–1924 гг. сотрудник Физиологического отдела ИЭБ Иван Григорьевич Коган произвел ряд операций по пересадке половых желез у морских свинок и куриц¹⁵. Согласно его научному отчету за 1924 г. исследования проходили, главным образом, на базе Аниковской опытной станции¹⁶: «все животные на этой станции, у которых понижалась или исчезала производительная способность, подвергались оперативному омоложению»¹⁷. В ряде случаев у подопытных отмечался положительный эффект: «самец, омоложенный в ноябре [19]23 г. ... подсажен 14 июля [1924] к [самке], которая в настоящее время принесла 3 детенышей; самец, омоложенный в январе [19]24 г. ... подсаживается в мае [19]24 г. к самке, от которой в августе [19]24 г. получилось 2 детеныша. В июле к нему подсаживается [самка], которая в настоящее время беременна... За отчетный период операции с курами не производились за отсутствием подходящего материала... Из оперированных ранее... тщательному наблюдению подверглась курица № 2360... после операции яйценоскость увеличилась и с мая 24 г. до октября снесла 19 яиц»¹⁸. Не менее важными были экспериментальные исследования врача Михаила Аркадьевича Егорова¹⁹, изучавшего воздействие семенной жидкости, введенной под кожу неполовозрелым крысам. Такую жидкость получали путем фильтрации сосудов половой железы с помощью солевого раствора, что позволяло извлечь из нее гормоны²⁰. В отчете за октябрь–декабрь 1924 г. сообщалось, что жидкость ученый получил из семенников, которые были получены «на бойне от только что убитых быков» и сразу же доставлены в Институт²¹. Также сообщалось, что целью экспериментов было обнаружение у подопытных развития вторичных половых признаков и полового инстинкта, однако о результатах не было сказано.

В отчетных документах встречаются сведения об экспериментальной работе не только с подопытными животными. Так, в 1923 г.

¹¹ Напр.: Викторов К. Что дают операции Штейнаха по омоложению // *Вечерняя Москва*. 1926. № 44 (652); Немилев А. Надо быть осторожным: печальные последствия «омоложения по Штейнаху» // *Там же*. № 28 (636); *Опыты омоложения за границей и в Москве* // *Там же*. № 38 (646) и др.

¹² *Krementsov N.L. Revolutionary experiments: the quest for immortality in Bolshevik science and fiction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 134–135.

¹³ Напр.: *Кольцов Н.К.* Омоложение организма по методу Штейнаха. Пг.: *Время*, 1922; *Он же.* Омоложение организма. Екатеринбург: [Б. и.], 1924; *Он же.* Чудесные достижения науки. М.: *Работник просвещения*, 1927.

¹⁴ См.: *Омоложение: Сборник статей / Под ред. Н.К. Кольцова*. М.; Пг.: *Гос. изд-во*, 1923; *Омоложение: Сборник статей / Под ред. Н.К. Кольцова*. М.; Пг.: *Гос. изд-во*, 1924.

¹⁵ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 6. Л. 2. [Отчеты о научных работах сотрудников Института].

¹⁶ Аниковская экспериментальная станция (Аниковская генетическая станция) находилась в ведении Института экспериментальной биологии. См.: *Россиянов К.О., Помелова М.А.* Опытные станции Института экспериментальной биологии и развитие отечественной генетики (1917–1929 гг.) // *Онтогенез*. 2019. Т. 50. № 1. С. 28–40.

¹⁷ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 6. Л. 11. Отчет за июль–сентябрь по ИЭБ И.Г. Когана.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В 1925 г. числился штатным сотрудником ИЭБ в должности младшего ассистента: АРАН Ф. 570. Оп. 1. Д. 11. Л. 103. Сведения о личном составе Института.

²⁰ Там же. Ф. 450. Оп. 1. Д. 76. Л. 18–19 [Омоложение домашних животных (Кольцов Н.К.)].

²¹ Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 10. Л. 11. Квартальные отчеты Института: отчет врача М.А. Егорова.

Н.К. Кольцов пишет в отчете о том, что у Института «имеется под наблюдением ряд операций по омоложению, произведенных по согласованию с И.Э.Б. различными московскими хирургами над людьми»²². Кроме того, из отчета И.Г. Когана за 1924 г. известно, что в период с июля по сентябрь велась подготовка лиц, «выразивших желание подвергнуться операции» – таковых было всего 20 в возрасте от 25 до 55 лет²³. Таким образом, попытки омоложения человека предпринимались еще в первой половине 1920-х гг. Тем не менее следует отметить, что до 1925 г. осуществить пересадку желез внутренней секреции «по Воронову» было довольно затруднительно. Дело в том, что Институт, располагавшийся в здании на улице Сивцев Вражек, еще не имел возможности содержать собственный обезьяний питомник²⁴. Ввиду острой нехватки помещений содержание крупных подопытных животных в соответствующих условиях было невозможным. Данная проблема была решена в 1925 г. с переездом Института в здание на Воронцовом поле. Именно накануне переезда, в декабре 1924 г., из Гамбурга были привезены обезьяны, предназначенные для экспериментальных исследований: «в декабре освобождены надворные постройки, в которых за этот месяц удалось уже произвести ремонт, приспособивши их для помещения лабораторных животных; в ближайшем месяце они будут уже перевезены и в новом доме поселен служитель, надзирающий за животными»²⁵. Таким образом, вопрос с донорством органов был решен. Однако, что подразумевали опыты омоложения, производившиеся ранее?

В фонде Н.К. Кольцова, хранящемся в Архиве Российской академии наук (РАН)²⁶, отложились материалы наблюдений за одним из пациентов ИЭБ – Николаем Эдуардовичем Спенглером. Согласно источникам, он обратился в Институт в октябре 1925 г. «в надежде найти помощь против симптомов старческого одряхления»²⁷ и уже к декабрю прошел курс инъекций текстикулярной (семенной) жидкости²⁸. Основываясь на этих сведениях, можно предположить, что пациентам, обращавшимся в Институт в 1923–1924 гг., также назначался курс инъекций. Несмотря на то что подобное «лечение» не давало гарантий относительно результата, найти желающих испробовать на себе омоложение «по Воронову-Штейнаху» было нетрудно. В 1924–1926 гг. в Институт приходили письма из разных уголков страны, авторы которых умоляли либо взять их «подопытными», либо указать хирургов, владевших техникой омоложения. Свои кандидатуры выдвигали как мужчины, так и женщины. Большинство жаловалось на отсутствие сил, энергии, физическую и умственную слабость, невозможность заниматься профессиональной деятельностью и т. д. Например, один адресант так описал свое состояние: «мне всего 27 лет, но я также бессилён и дряхл, как 65–75-летний старик»²⁹; молодая девушка из г. Орши прикрепил к письму фотографию с пометкой «моя физиономия», которая, по-видимому, должна была быть дополнительным аргументом³⁰. Среди обращавшихся были те, кто надеялся с помощью операции излечиться от тяжелых заболеваний, но были и желавшие «помочь развитию медицинской науки», нередко за отдельную плату³¹. Из материалов переписки сле-

²² Там же. Д. 4. Л. 1–4. Отчет о научных работах, произведенных в Институте экспериментальной биологии НКЗ за 1923 г.

²³ Там же. Д. 6. Л. 12. Отчет за июль–сентябрь по ИЭБ И.Г. Когана.

²⁴ Россиянов К.О., Помелова М.А. Указ. соч. С. 29.

²⁵ РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 10. Л. 5. Квартальные научные отчеты сотрудников ИЭБ и переписка научного характера, 1925 г.

²⁶ Там же. Ф. 450. Николай Константинович Кольцов (1872–1940).

²⁷ Там же. Оп. 4. Д. 25. Письма разных лиц Кольцову. Л. 105, 111.

²⁸ Там же. Л. 106.

²⁹ Там же. Л. 4. Письмо Пенькова Кольцову.

³⁰ Там же. Л. 24. Письмо Э. Шапиро Кольцову.

³¹ Там же. Л. 7. Письмо Е.Д. Мещерской; Там же. Л. 11–11 об. Письмо М.Д. Стрижева; Там же. Л. 77. Письмо М.А. Кононова.

дует, что добровольцев набирали из числа адресантов. Вероятно, что и Н.Э. Спенглер стал пациентом именно таким образом – об этом свидетельствует его письмо, адресованное Н.К. Кольцову³².

Хотя в состоянии Н.Э. Спенглера после инъекций были отмечены некоторые улучшения: «не так быстро утомляется и лучше стал запоминать»³³, 18 сентября 1926 г. ему была произведена операция омоложения доктором А.А. Замковым³⁴. В своих наблюдениях он писал, что операция прошла без осложнений, а в течение нескольких месяцев после наблюдались некоторые улучшения. Вероятно, именно этот случай был описан Н.К. Кольцовым в очерке о работе ИЭБ в 1928 г.:

Приведу историю старого революционера. Три года тому назад, в возрасте, близком к 80 годам, он обратился с жалобами на старческие недуги: быструю утомляемость, склонность к простудам, ослабление памяти. Ему была произведена пересадка яичника обезьяны-павиана, и уже через 2–3 недели после операции он почувствовал себя много лучше. Раньше его утомляли простые вечерние беседы, а в течение шести месяцев после операции он свыше 40 раз выступал с публичными докладами, иногда продолжавшимися до двух часов подряд. Это хорошее состояние продолжается до последнего времени... и, конечно, у него и теперь могли бы родиться дети. Он сам приписывает свое хорошее состояние произведенной операции и дальнейшим подкожным впрыскиванием «тестикулярной» жидкости³⁵.

Однако данный пример являлся скорее исключением, чем правилом. Несмотря на значительное количество осуществленных экспериментов, метод гормонального омоложения все еще не давал основательных результатов: привитые железы часто не приживались в организме реципиента³⁶. Таким образом, эффективность трансплантации вызывала сомнения у исследователей, в частности – у сотрудников ИЭБ. Главной причиной полемики было противоречие, в которое вступали результаты экспериментальных исследований, полученные отечественными учеными, и результаты операций, представленные доктором С.А. Вороновым. В его монографиях были подробно описаны только «успешные» случаи омоложения, в то время как операции, не давшие никакого результата, либо исключались ученым из статистики, либо списывались на халатное отношение пациента к собственному здоровью³⁷. Однако это не стало конечным пунктом в изучении процессов старения и омоложения. На базе ИЭБ исследования продолжались, но уже в несколько ином русле: проблемы омоложения и пола все больше переплетались с животноводством (работа над конкретными задачами: увеличение поголовья скота и др.), а гормональные вопросы изучались в рамках эндокринологии (работа желез внутренней секреции и мозга).

³² Там же. Л. 105–105 а. Письмо Н.Э. Спенглера Кольцову.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 111.

³⁵ Кольцов Н.К. Как изучаются жизненные явления: очерк десятилетней работы Ин-та экспериментальной биологии в Москве / проф. Н.К. Кольцов. М., 1928. С. 22.

³⁶ АРАН. Ф. 450. Оп. 1. Д. 76. Л. 17–18 [Омоложение домашних животных (Кольцов Н.К.)].

³⁷ Воронов С.А. Указ. соч. С. 39.

К.С. Дедушенко

Наука отдыхать:
моделирование реальности в журнале
«Сельская молодежь» (1965–1985 гг.)

В работе рассматриваются идеальные модели поведения и стиля жизни молодых советских жителей сельской местности, транслировавшиеся через специализированную печать в 1965–1985 гг. В качестве источника для данного исследования был выбран журнал «Сельская молодежь», который являлся одним из наиболее популярных периодических изданий в рассматриваемой социальной группе. Через призму опубликованных в нем статей, очерков и писем в редакцию определяются рекомендованные в то время варианты досуга в сельской местности, включая спортивные соревнования и перспективы организации музыкальных ансамблей и театральных трупп.

Ключевые слова: сельская молодежь, комсомол, советская молодежь, брежневский период, советский спорт

14 октября 1964 г. от всех своих обязанностей решением Пленума ЦК КПСС был освобожден Н.С. Хрущев. Начался период, который традиционно называют «застоем». Общественная жизнь, наравне с другими сферами, претерпела определенные изменения. В 1965 г. была развернута знаменитая косыгинская экономическая реформа, вылившаяся в «золотую пятилетку» (1965–1970), которая привела к крупному экономическому скачку как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Условия труда на предприятиях и в колхозах значительно улучшились. Однако после обнаружения и разработки в начале 1970-х гг. нефтяных месторождений Западной Сибири партийным руководством было принято решение сбавить темп экономических преобразований, а затем и вовсе прекратить их.

На этом фоне проходило взросление большого количества молодежи, немалая часть которой проживала и работала в сельской местности. Ее повседневная жизнь достаточно сильно отличалась от городской, имела свои особенности, положительные и отрица-

тельные стороны, которые будут подробно рассмотрены в данной статье. В первую очередь, стоит выделить основные сферы жизни и деятельности деревенской молодежи, которым уделялось особое внимание со стороны партийного руководства. Большую часть дня занимала работа в колхозе. Свободное же время каждый проводил по своему усмотрению. Для этого в населенных пунктах должны были существовать места для досуга, специализированные объекты инфраструктуры, которые бы предоставляли возможность качественно использовать оставшееся время. Важно отметить, что государство со своей стороны принимало не самое активное участие в обеспечении досуга в сельской местности, ограничиваясь лишь указаниями в районные центры ВЛКСМ и проведением массовых мероприятий всесоюзного масштаба. Все остальное должно было делаться руками местных жителей, в авангарде которых стояла заинтересованная молодежь, которая под чутким руководством старшего поколения различными способами развивала свое поселение.

Предполагалось, что подобная деятельность должна проходить в свободное от работы время. Молодые люди были призваны сами трудиться над созданием различных объектов досуга: собирать книги для библиотек¹ (интерес к чтению оставался на невероятно высоком уровне²), устраивать сельские клубы³, спортивные площадки, озеленять и облагораживать территорию⁴. В некоторых крупных колхозах устраивались целые спортивные центры⁵. Одним из ярких примеров является история Кандавского центра механизации хозяйства, студенты которого в качестве выполнения практического задания возвели в близлежащем крупном колхозе копию московского стадиона Лужники, которая сразу же стала центром проведения крупных колхозных спартакиад, собиравших участников со всей Латвийской ССР⁶. Образцовыми признавались крупные колхозы, которые по своей инфраструктуре могли даже посоперничать с городом. Один из таких находился в селе Большекрепинское. В нем было все для благополучия местных жителей (детские сады, больница, дом культуры), а для гостей было построено несколько гостиниц⁷. Предпринимались попытки объединить школьное обучение и сельские клубы в так называемые школы-клубы, которые представляли собой аналоги современных образовательных центров, где подрастающее поколение могло с максимальной пользой проводить целые дни⁸.

Особое место в жизни советского гражданина должен был занимать спорт. В 1966 г. проводилась уже третья по счету Всесоюзная спартакиада сельских спортсменов. Во всех этапах поучаствовало суммарно 9,5 миллионов человек, 274 из них получили звания кандидатов в мастера и мастеров спорта, победу в общем зачете одержали РСФСР, УССР и ЭССР⁹. Участие в ней давало возможность с некой долей вероятности стать частью сборной команды страны и представлять ее на различных международных соревнованиях¹⁰. Яркими примерами такого феномена являются истории тяжелоатлетов В.И. Алексеева¹¹, Д.А. Ригерта и П.В. Первушина¹². В рубрике «Сельским спортсменам советует...» к молодежи с советами регу-

¹ Читатель советует, спорит, отвечает // Сельская молодежь. 1965. № 3. С. 6.

² Приехала в село книга // Там же. С. 35–36.

³ Поселок юности // Там же. 1966. № 3. С. 29.

⁴ Дорогая редакция // Там же. 1970. № 7. С. 15.

⁵ Первая лыжня // Там же. 1967. № 12. С. 8.

⁶ Дружно – не грузно // Там же. 1965. № 1. С. 7.

⁷ Горячая земля // Там же. 1966. № 2. С. 9.

⁸ Школа-клуб // Там же. 1965. № 4. С. 13.

⁹ Поход в страну здоровья // Там же. 1966. № 12. С. 40–41.

¹⁰ Формула надежды // Там же. 1967. № 4. С. 32–33.

¹¹ Никто не предполагал! // Там же. 1972. № 10. С. 34–37.

¹² С прицелом на большой Олимп // Там же. № 12. С. 42–45.

лярно обращались успешные профессиональные спортсмены, такие как Г. Хусаинов, И. Тер-Аванесян и другие¹³. Это должно было мотивировать читателей самостоятельно заниматься спортом. Стоит отметить, что попасть на спортивную площадку мог каждый, но при этом он должен был продемонстрировать, что всю свою основную работу он сделал качественно (в случае школьников – показать дневник, у взрослых – отметить у старшего по должности)¹⁴. Подобным образом велась борьба с тунеядством и плохой успеваемостью. Активные игры приносили массу удовольствия, а также положительно влияли на физическое развитие молодых колхозников, поэтому в сельской прессе объем материалов о спорте всегда составлял значительную долю¹⁵.

Однако темпы внедрения полезного и интересного времяпровождения в молодежную среду далеко не всегда были достаточно высоки. Это приводило к тому, что на всей территории СССР оставалось большое количество сельских поселений, досуговый потенциал которых был практически не раскрыт. В профильных журналах часто публиковались письма от недовольных сельских жителей. Сообщалось о том, что заведующие клубами грубят, не открывают уже существующие клубы¹⁶, предлагают все делать самим, ссылаясь на занятость¹⁷. Даже лекции по политическому воспитанию, которые в предшествующие годы являлись коллективообразующими мероприятиями, зачастую игнорировались сельским руководством¹⁸. Это вызывало крайнее недовольство среди старших поколений, для которых подобные формы проведения досуга считались наиболее полезными для молодежи, так как воспитывали их в правильном ключе¹⁹. Выходом из этой ситуации считался поход в другой населенный пункт, где досугу уделялось больше внимания, однако это занимало немало времени и отнимало много сил, поэтому данная практика не пользовалась особой популярностью²⁰. Против этого выступали и в журнальных статьях, пытаясь таким образом сдерживать отток населения из малых поселений.

Обращалось внимание и на неподобающее поведение молодежи. На фоне отсутствия возможности качественно проводить досуг проявлялись худшие стороны человека, которые выражались в алкоголизме, тунеядстве и бытовом насилии в молодых семьях. Это зачастую вызывало тревогу у ответственных граждан. В одном из писем житель колхоза «Россия», вернувшийся после армии, рассказывает, что в период его детства и юности на родине функционировали клуб, библиотека, имелся театральная кружок, а особую гордость вызывал местный стадион. Он всегда был заполнен спортсменами и болельщиками, а местные команды успешно выступали на краевых первенствах. Однако после возвращения со службы автор письма обнаружил стадион заросшим травой, а клуб и все заброшенным. Основными хобби для молодых жителей колхоза стали «литрбол» и игра в «ножичек»²¹. Такие изменения автор связывает с недостаточной ответственностью организаторов и заведующих, а также с отсутствием интереса со стороны самих молодых колхозников, количество которых сильно уменьшилось из-за неспособности получить качественную работу в селе²².

¹³ Сельским спортсменам советует... // Там же. № 4. С. 52–54.

¹⁴ Не спешите // Там же. 1970. № 12. С. 42–43.

¹⁵ По конкретному адресу // Там же. 1968. № 8. С. 32–33.

¹⁶ Вам письмо // Там же. 1973. № 11. С. 33.

¹⁷ Вам письмо // Там же. 1971. № 5. С. 27.

¹⁸ Зона нашего влияния // Там же. 1965. № 8. С. 8.

¹⁹ Читатель советует, спорит, отвечает // Там же. № 9. С. 26.

²⁰ Вам письмо // Там же. 1975. № 3. С. 32.

²¹ Вам письмо // Там же. 1972. № 6. С. 32.

²² Там же. С. 33.

Пристально рассматриваются нездоровые семейные отношения между молодыми людьми. Часто публикуются письма с жалобами на мужей, которые злоупотребляют алкоголем, а затем поднимают руку на жену и детей²³. В таких обстоятельствах журнальные рубрики «Нам пишут» становились отдушинами для пострадавших от подобных действий, при этом выступая поучительным материалом для читателей. На почве алкогольного опьянения нередко совершались правонарушения, в том числе и молодыми людьми, и даже подростками²⁴. По сравнению с поздним сталинским и хрущевским периодами, увеличивается количество писем с жалобами на несчастную любовь и супружескую неверность. Нередки ситуации, когда девушка строит отношения сразу с двумя молодыми людьми, поочередно приближая одного и отдаляя от себя другого²⁵. Аналогичные инциденты происходили и по вине мужчин. Нередко молодые люди долгое время встречались, планировали создать семью, завести ребенка, но в итоге ограничивались последним, после чего парень исчезал в неизвестном направлении, оставляя девушку наедине со своим будущим ребенком²⁶. Это не могло не привлечь внимание различных органов управления. Был сделан вывод, что такие «моральные отступления» совершаются людьми, которые не получили должного комсомольского воспитания в детстве и юности²⁷, и что нужно усилить положительное влияние окружения на подрастающее поколение.

Система правильного воспитания советских граждан начала формироваться еще в довоенный период, в дальнейшем лишь развиваясь и осваивая новые подходы. Одним из таких методов была система детских и молодежных организаций – пионерия и комсомол, которые готовили человека к правильной и полезной для общества жизни на территории СССР. Главной целью комсомольской организации было воспитание в молодежи «идейной зрелости, высокой гражданственности и повседневного трудового героизма»²⁸.

Интересным методом установить комсомольский надзор над ребенком и его родителями стали так называемые комсомольские крестины, которые активно пропагандировались в прессе. Новорожденного досрочно принимали в пионеры, даря красный галстук родителям²⁹. Этот обряд был призван заменить церковное крещение и депопуляризировать религиозную составляющую в обществе.

Другим подспорьем в правильном воспитании выступали отряды так называемых «комсомольских прожектористов», целью которых было совместное решение личных проблем каждого члена отряда, а также полезная общественная работа – организация досуговых мероприятий и борьба с пьянством и тунеядством. Эти группы позволяли их участникам (возраст которых, как правило, колебался от 14 до 25 лет) развивать сплоченность и формировать правильное мировоззрение, в том числе посредством влияния старших участников («комсомольских вожakov»³⁰) на более молодых. Для руководителей этих групп была характерна сильная политическая подкованность, харизматичность и ярко выраженные лидерские качества, позволявшие им максимально продуктивно

²³ Читатель советует, спорит, отвечает // Там же. 1966. № 2. С. 40.

²⁴ Читатель советует, спорит, отвечает // Там же. 1965. № 3. С. 7.

²⁵ Письма пишут разные // Там же. 1967. № 8. С. 14–15; Письма пишут разные // Там же. № 12. С. 13.

²⁶ Читатель советует, спорит, отвечает // Там же. 1965. № 7. С. 10.

²⁷ Не имея массы покоя // Там же. 1966. № 5. С. 10–15.

²⁸ Верность партии // Там же. № 3. С. 2–3.

²⁹ Там же. С. 4.

³⁰ От первого лица // Там же. 1971. № 5. С. 6–7.

руководить своими «подопечными»³¹. Основным родом деятельности подобных отрядов было облагораживание территории колхоза, осуществление контроля за внутренним порядком во всей инфраструктуре колхоза – школах, цехах, клубах и т. д.³²

Авторы статей журнала «Сельская молодежь» регулярно подчеркивают, что комсомольская организация являлась чрезвычайно популярной среди молодежи, так что ее ряды регулярно пополнялись новыми инициативными членами. Важно отметить, что именно она нередко призвана была исполнять роль центра контроля за досуговыми активностями в родном селе³³. Комсомольские ячейки напрямую влияли на назначение заведующего клубом и библиотекой, набором в спортивные команды, которые в дальнейшем представляли интересы села на разнообразных соревнованиях, а также отвечали за заказ определенных фильмов и книг из районных центров и приглашением лекторов для клубных дискуссионных вечеров³⁴. Впрочем, порой это становилось причиной недовольства со стороны старшего поколения, которое далеко не всегда одобряло предложенных комсомольской ячейкой работников. Достаточно часто критиковался выбор кинолент и литературы, которую подбирали руководители местного комитета комсомола, так как зачастую это были документальные фильмы и специализированные издания, которые были интересны исключительно молодым людям³⁵. Это порождало серьезные конфликты, которые могли разрешаться не самыми цивилизованными способами: от устной перепалки до драки³⁶.

Несмотря на то, что в специализированной прессе больше всего внимания уделялось положительной составляющей жизни советской молодежи на селе, в ней присутствовало и освещение самых насущных проблем, которые становились препятствием к достижению молодыми гражданами описанных идеалов. Особенно сильно они проявлялись в зимний период, когда работы было намного меньше, чем летом. Помимо зимних видов спорта, о которых достаточно подробно рассказывалось выше, проводились различные мероприятия в клубах. Кроме дискуссионных вечеров и киносеансов появлялась полноценная возможность для занятий любимыми видами искусства. Поэтому всецело поощрялись группы активной молодежи, которые даже в самых неблагоприятных условиях придумывали для себя занятия, привлекавшие в дальнейшем и других жителей. Например, в небольшом сибирском поселении на восемь дворов местная молодежь каждый зимний вечер проводила за занятием музыкой, хотя музыкальных инструментов было всего два – балалайка и скрипка. Но находчивые ребята смастерили инструменты из подручных материалов и сделали квартет, который радовал всех жителей маленькой деревеньки целую зиму. Летом же слух об этом ансамбле разошелся по району, и его участники провели своеобразный «тур» по соседним колхозам³⁷. Похожий случай произошел в другой сибирской деревне, где один из комсомольских активистов сумел организовать театральную постановку по пьесе Лаврентьева «Разлом». Это настолько впечатлило всех жителей, что подобные выступления стали проводиться на регу-

³¹ Там же. С. 8–9.

³² Дорогая редакция! // Там же. 1970. № 5. С. 15.

³³ Комсомольское счастье мое // Там же. 1972. № 3. С. 1–4.

³⁴ Чуткость // Там же. 1975. № 9. С. 1–4.

³⁵ Улица полна кинозвезд // Там же. 1966. № 7. С. 46–47.

³⁶ Вам письмо // Там же. 1971. № 9. С. 20.

³⁷ О саманном доме, русской печи и скрипке Страдивариуса // Там же. № 3. С. 22–27.

лярной основе, а актерам оказывалось максимальное содействие в подготовке к выступлению³⁸.

Таким образом, очевидно, что, по сравнению с послевоенным сталинским периодом и периодом «оттепели», досуг на селе в СССР сделал большой шаг вперед в плане развития инфраструктуры и расширения возможностей (таких как спартакиады и музыкальные фестивали). Однако важно заметить, что несмотря на постоянно подчеркивавшуюся в прессе великолепную оснащенность крупных колхозных хозяйств, журналисты вынуждены были отмечать многочисленные проблемы маленьких деревень и поселений сельскохозяйственной направленности, которые не могли обеспечить качественное проведение досуга своей молодежи, что вело, в свою очередь, к росту алкоголизма и тунеядства. Более того, этот факт можно назвать одной из ключевых причин мощной волны урбанизации и оттока населения из сел. Несмотря на общий бравурный тон публикаций, даже в официальном органе советской печати приходилось признавать, что подобные изменения в миграционных процессах среди населения и их последствия грозили в ближайшем будущем кардинально изменить социальную карту СССР.

³⁸ Генеральная репетиция // Там же. 1970. № 2. С. 20–23.

М.А. Романова

«Будка гласности» как феномен независимого российского телевидения

В статье исследуются выпуски «Будки гласности» – телепрограммы, которая была создана на базе старейшей в России независимой частной телевизионной компании «Авторское телевидение» и выходила на экраны в период с 1991 по 1993 гг. Автор анализирует общественное мнение и наиболее обсуждаемые героями телепередачи вопросы по политическим, социальным, конфессиональным и национальным проблемам. Данная телепрограмма стала не только частью процесса демократизации СМИ и реализации политики гласности и свободы слова, но и являлась маркером изменения смыслов и способов коммуникации на телевидении эпохи перестройки.

Ключевые слова: независимое телевидение, свобода слова, гласность, общественное мнение, российское телевидение, перестройка

С эпохой перестройки на территории постсоветского пространства менялись коммуникационные стратегии: с трибун и экранов телевизоров начинали транслироваться новые смыслы. Гласность дала возможность и даже необходимость открыто выражать свое мнение, которое зачастую противоречило курсу официальной политики страны. Период 1989–1991 гг. можно назвать временем освобождения телевидения от государственной пропаганды и зарождения политического инакомыслия на ТВ¹.

Телепрограмма «Будка гласности» в начале 90-х гг. прошлого века стала явлением нового независимого российского телевидения и символом гласности на экранах страны. В передвижную комнату-студию, путешествующую от Кишинева до Татарстана, мог зайти любой желающий и высказаться на какую угодно тему в течение 1 минуты. Как назвал ее один из участников программы в Одессе: «Одно из мест, где можно свободно выступить по телевидению и сказать действительно то, что ты думаешь, то, что ты хочешь выразить»².

© Романова М.А., 2021

Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ», проект «Советская наука 1920–1980 гг.: от манифеста к мейнстриму».

¹ Долгова Ю.И. Эволюция предвыборной телевизионной коммуникации в постсоветской России (1989–2008) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2009. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-predvybornoy-televizionnoy-kommunikatsii-v-postsovetskoy-rossii-1989-2008> (дата обращения 27.09.2020).

² ATV Plus (2014) «Будка гласности». Одесса. 1991 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/tvDQhkins3s> (дата обращения 02.10.2020). 08:05–08:15.

Авторы телепередачи – Иван Кононов и Алексей Гиганов – еще до запуска «Будки гласности» были задействованы в разработке и выпуске программы «12 этаж» – популярного ток-шоу наряду с программами «Взгляд» и «До и после полуночи». Иван Кононов с 1985 г. работал в Главной редакции молодежных программ ЦТ Гостелерадио СССР, а затем стоял у истоков создания канала «Авторское телевидение», был руководителем и одним из ведущих программы «Пресс-клуб».

Телепрограмма «Будка гласности» была создана на базе канала «Авторское телевидение» (далее – АТВ), старейшей в России независимой частной телевизионной компании, учрежденной в сентябре 1988 г. С 1991 г. по 1996 г. АТВ являлось партнером творческого объединения «Новая студия», под маркой которого и выходила телепередача «Будка гласности»³. Проект был запущен в 1991 г. и из «Будки гласности» в скором времени был переименован в «Глас народа», однако первое название навсегда закрепилось в памяти зрителей и стало нарицательным в общественном дискурсе эпохи.

В рамках данного исследования для анализа были взяты десять телепрограмм 1991–1993 гг. выпуска из разных городов России и стран СНГ, а именно из Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы, Алматы, Казани, Таганрога и Кишинева. Один выпуск программы в среднем длится от 8 до 20 минут. Участники программы не представляются, поэтому мы можем только предположить или вычлнить из сказанного их возраст, социальный статус, профессию и национальность.

Из программы в программу рефреном повторяются слова поддержки в адрес зрителей: хотя времена тяжелые, но главное – держаться, улыбаться, тогда все будет хорошо. Также многие участники заявляют о важности труда, что порядок в стране зависит только от ее жителей, поэтому нужно работать и «уметь крутиться». Но мы подробнее остановимся на политических, социальных, профессиональных и национальных вопросах, которые обсуждаются в программе.

Самой популярной фигурой программы становится Борис Ельцин. Суждения участников по поводу проводимой им политики противоположны: участники выступают как в поддержку, так и против Бориса Николаевича. Больше всего о нем говорят в выпуске 1993 г., который снимался в день проведения Всероссийского референдума 25 апреля⁴. Одни провозглашают: «Голосуйте за Ельцина, будем жить», «Ельцина не скидываем», «Голосуем за Ельцина, чтоб стипендию нам повысили». Другие полностью не разделяют проводимую Президентом политику: «Терпения много у Ельцина, потому что все делает против народа. Это такой, который довел страну просто-напросто до безумия», «Нам квартиру не дают, я против Ельцина», «Дело в том, что политика Ельцина, она нас просто ни к чему не приведет: повышаются цены, повышается зарплата, и это так до бесконечности. Это тупиковая ситуация. Нам нужно что-то предпринять». Чаще против Бориса Николаевича выступают молодые люди 20–25 лет, что говорит о формировании политически ак-

³ О компании АТВ // Сайт ООО «Авторское телевидение» [Электронный ресурс]. URL: http://www.atv.ru/about_us/ (дата обращения 01.10.2020).

⁴ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Москва. Референдум 1993 года [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/2w1cRiyZ6Oc> (дата обращения 02.10.2020).

тивного юного поколения, выступающего против проводимой политики, но не желающих возвращаться к коммунистическому прошлому страны.

Старшее поколение, от 50 до 55 лет, чаще ведут дискуссию против нового правительства и Президента, критикуя Бориса Ельцина за нерациональное разделение власти и невнимание к социальным вопросам, но веря в то, что все может измениться к лучшему: «Голосуйте за Ельцина Бориса Николаевича, чтобы он нам помог, как участнику-инвалиду. И мы ему поможем... <...> Дотацию не дают как участнику-инвалиду... <...> Дали нам пенсию маленькую. На чем жить-то? На чем нас хоронить, действительно?», «А я вообще верю Ельцину, но он маленечко, немножко не так думает. Надо бы получше вот думать ему»⁵. Люди среднего возраста, 30–40 лет, чаще в целом не говорят о политике.

В выпуске осени 1993 г. люди начинают осознавать первые итоги того, за что они голосовали в апреле. К сожалению, по мнению опрошенных, жизнь россиян не изменилась: «Я пенсионер, инвалид 2-й группы. У меня вопрос к Президенту Ельцину: доколе мы будем вести полуголодное существование? Неужели только депутат Верховного Совета должен получать 40 тысяч, а мы ждем эту несчастную пенсию 4 тысячи 275. Я не думаю, что вы совсем забыли о нас. Ради чего мы голосовали за вас?»⁶.

В прямом эфире мы знакомимся с городским фольклором 90-х гг., дети зачитывают частушку:

Ельцин мглою небо кроет,
Черномырдина крутя,
то Кравчук, как зверь, завоет,
то Шушкевич, как дитя⁷.

Жители Таганрога вовлечены в обсуждение всех сторон общественной жизни страны. В выпуске 1993 г. мужчина активно обсуждает результаты апрельского референдума: «Я хочу сказать о Конституции, которая сегодня предлагается народу. Ни “румянцевская”, ни “шахраевская” Конституция не отвечает для народа. И одна, и другая – это одинаковые, только борьба идет, в одном случае, это предлагается царя Бориса, а вторая конституция, “румянцевская”, предлагает диктатора Бориса. А народа и для народа ничего в этой Конституции нет. И вот поэтому народная будет только тогда, когда действительно будет для народа. <...> Надо прежде всего советоваться с народом, а не так, как сделали в референдуме. А в референдуме – там не советовались. Там просто сказали цифры, удобные для Бориса Николаевича, и все. Хотя из 80 регионов проголосовали против него 40, из 21 национальной структуры – 18»⁸.

Съезды народных депутатов РФ постоянно упоминаются в негативной коннотации: «Очень противно было смотреть на Съезды народных депутатов, и на 7-ой, и на 8-ой, и на господина Хасбулатова смотреть отвратительно было. Но, откровенно говоря, будем мы так жить до те пор, пока они не постареют, те наши преже-

⁵ Там же. 02:53–3:17, 07:32–07:47.

⁶ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Санкт-Петербург. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/8CpWMGz7mLU> (дата обращения 03.10.2020). 07:57–08:22.

⁷ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Таганрог. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/W-MTeBpOAqs> (дата обращения 03.10.2020). 09:10–09:20.

⁸ Там же. 02:25–03:13.

ние хозяева жизни, которые все имели в свое время... <...> ...и на их место не придут какие-то новые лидеры»⁹. Для выступающих в «Будке гласности» роль Президента первоочередная по отношению к Съезду: «Боря, мы с тобой! <...> Когда ты перестанешь ездить в этот реакционный Ростов и разгонишь этих притирочных депутатов, которые сидят на нашем Съезде?»¹⁰, «Пора заканчивать с нашим Съездом, возводить конституционную монархию, возвращаться к старым порядкам. Надо призвать батюшку-царя, сделать президентскую республику с монархом, чтобы было у нас все хорошо»¹¹.

На этом обсуждение политических тем не заканчивается – также подвергаются критике существующие порядки. В этом случае можно выделить часто попадающийся на экране образ реставратора коммунизма. Нужно отметить, что эту категорию нельзя дифференцировать по возрастному признаку. Юная девушка из Таганрога заявляет: «Такая нищенская жизнь как теперь всем надоела, кроме миллионеров, конечно. Поэтому большинство населения нашего города ждут возвращения социализма»¹². Молодой москвич возвращается к воспоминаниям о периоде правления Брежнева и сравнивает его с современностью: «Мое мнение такое, что сейчас жизнь вообще невозможная. <...> Когда такое было, чтоб из России наоборот бежали? <...> При Лене и то лучше жили, сейчас вообще ничего нету»¹³. Но о Леониде Ильиче вспоминает и взрослый житель Санкт-Петербурга: «При коммунизме я лучше жил, но сейчас при этой партократии, как говорится, при демократии хуже живу. А почему хуже живу? А потому что сами видите: все дорого и да, говорится, уж о молодежи говорить нечего, а о стариках надо подумать. <...> Про Брежнева мы еще вспоминать будем»¹⁴.

В выступлениях участников проекта редко встречаются предложения по радикальному реформированию общества. Скорее многие надеются, что Б.Н. Ельцин сможет навести порядок в стране: «Мне хочется сейчас обратиться к Борису Николаевичу. Все мы люди довольно трезвые и понимаем, что в условиях такого бардака никакие реформы не могут, так сказать, иметь успех, если не будет какой-то, ну, не сильной руки, но жесткой власти. Мне хочется, Борис Николаевич, чтобы не было этих словоблудий в Верховном Совете, берите власть в свои руки и делайте свое дело»¹⁵. Они отмечают, что не нужно давить на Президента, за такой короткий срок в кризисной ситуации ничего не могло радикально поменяться, поэтому нужно поддержать лидера страны и положиться на него.

Социальные вопросы чаще всего поднимаются пенсионерами, инвалидами и членами многодетных семей, которые оказались в трудном финансовом положении и не получают должной помощи от государства. Запись программы в Кишиневе проходила в ноябре 1992 г., но до тех пор главной темой выступления почти каждого участника «Будки гласности» продолжала быть денежная реформа июня 1992 г., которая заключалась в введении временной валюты – молдавского купона: «На каком основании в Кишиневе деньги

⁹ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Казань. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/e75dW1nZ_4g (дата обращения 01.10.2020). 08:10–08:35.

¹⁰ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Таганрог. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/W-MTeBpOAs> (дата обращения 03.10.2020). 03:48–04:04.

¹¹ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Санкт-Петербург. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/8CpWMGz7mLU> (дата обращения 03.10.2020). 00:43–00:56.

¹² ATV Plus (2014) «Будка гласности». Таганрог. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/W-MTeBpOAs> (дата обращения 03.10.2020). 08:55–09:05.

¹³ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Москва. День Победы – 9 мая 1992 года [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/s3ng_LsNbAA (дата обращения 31.09.2020). 03:29–03:44.

¹⁴ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Санкт-Петербург. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/8CpWMGz7mLU> (дата обращения 03.10.2020). 03:36–03:57.

¹⁵ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Москва. День Победы – 9 мая 1992 года [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/s3ng_LsNbAA (дата обращения 31.09.2020). 06:20–06:44.

50, 100, 200 и выше рублей прекратили свое существование? Людям-пенсионерам хлеба не на что купить, ходим и спрашиваем, где же нам разменять эти деньги, менять никто не хочет»¹⁶.

Конфессиональный вопрос связан именно с исламом и мусульманским населением страны, его поднимают люди неславянской внешности средней возрастной группы. Кто-то восклицает: «А самое главное я обращаюсь к русскому народу, чтобы они определили, кто мусульмане и кто христиане... <...> Самое главное, если они определяют кто есть кто, они будут смотреть кто черный, кто красный, не зависит это ни от чего»¹⁷. Тема конфессий тесно переплетается с национальным вопросом, о которой говорит житель Санкт-Петербурга: «То, что произошло в Таджикистане, это страшная трагедия, поэтому я хочу обратиться лично к Президенту Ельцину и к лидерам Запада, если дойдет до них это: не понимая ислам, вы обрубаеете себе крылья, одно крыло»¹⁸ (имеется в виду, что для урегулирования Гражданской войны в Таджикистане, которая началась в мае 1992 г., важную роль сыграл фактор нежелания понимать позиции представителей исламского движения. – М. Р.).

Ярче всего национальный вопрос поднимается казанцами, которые в выпуске 1993 г. провозглашают суверенитет Республики Татарстан: «Татарстан есть суверенное государство, и поэтому мы просим российское правительство, чтобы оно не мешало нам, чтобы мы остались самостоятельным, независимым, суверенным государством. Татарстан никогда не писал заявления, не входил в состав России и не будет писать о выходе», «Республика Татарстан – это суверенное государство, и мы товарища, господина Ельцина, и товарищей, руководителей российского правительства, просим, чтобы они нас признали как суверенное государство, и вместе дружно жили... <...> ...и сотрудничали. Чтобы признали на равных как Казахстаном, на равной, как Украиной, чтобы... <...> ...как мы уважаем русский народ, они также уважали татарский народ»¹⁹. Многие другие выпуски снимались в городах стран СНГ, где не было замечено выступлений по вопросу национальной идентичности.

Телепрограмма была закрыта в 1993 г. по причине большого количества нецензурных выражений, которые использовались респондентами. Однако она была реанимирована командой НТВ в рамках предвыборной кампании 1996 г. в поддержку Б.Н. Ельцина. Но к этому времени и телевидение стало другим, поэтому выпуски авторской «Будки гласности», одной из первых программ, где зрители с экранов слышали искренние слова своих сограждан, где ни у кого не было ограничений в самовыражении, нуждаются в дальнейшей систематизации и анализе. Программа «Будка гласности» стала шагом в становлении свободы слова в постсоветском информационном пространстве, а также является недооцененным историческим источником при изучении как истоков российского независимого телевидения, так и изменений общественного дискурса и способов коммуникации на постсоветском пространстве.

¹⁶ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Кишинев. 1991 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/mKEzfc_l9iQ (дата обращения 31.09.2020). 01:56–02:18.

¹⁷ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Санкт-Петербург. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/8CpWMGz7mLU> (дата обращения 03.10.2020). 05:32–05:59.

¹⁸ Там же. 07:31–07:47.

¹⁹ ATV Plus (2014) «Будка гласности». Казань. 1993 год [Видеозапись телепередачи] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/e75dW1nZ_4g (дата обращения 01.10.2020). 10:33–10:55, 02:54–03:27.

Латинская Америка: грани истории

И.Н. Косиченко

Предисловие

Настоящая рубрика объединила статьи, посвященные не теряющей своей актуальности теме изучения истории Латинской Америки. Историческое развитие этого уникального региона обладает множеством отличительных черт, ставящих перед исследователем самые разнообразные, но всегда интересные задачи. Культурно-этнографическое богатство Латинской Америки ставит вопрос механики интеграции индейского, африканского и метисного фольклора в общую культурную матрицу национальных государств. Интенсивная политическая и экономическая жизнь привела к тому, что Латинская Америка стала ареной социально-экономических экспериментов и апробации передовых экономических теорий. Для отечественного исследователя несомненно актуальной оказывается тематика взаимодействия Российской империи, СССР, России и выходцев из них с латиноамериканскими обществами, например адаптация эмигрантов и установление дипломатических отношений. Тематически данную рубрику можно разделить на два равных подраздела: Новейшая история стран Латинской Америки и история российско-латиноамериканских связей.

Статья В.К. Мусина затрагивает одновременно две важные темы. С одной стороны – острая тема экономических реформ правительства Аугусто Пиночета в Чили, с другой – вопрос применимости узко-экономических методов в историческом исследовании в принципе. В статье рассматривается проблема использования экономических моделей в исторических исследованиях на примере объяснения чилийского «экономического чуда» с точки зрения неоклассической модели североамериканского ученого Роберта М. Солоу. Созданная во второй половине XX в., она значительно повлияла на дальнейшее развитие макроэкономики и исследования экономики развивающихся стран. Например, она использовалась в исследованиях японского и корейского экономических чудес, а потому модель Солоу может представляться релевантной для анализа

схожих социально-экономических феноменов в других регионах. Автор убедительно доказывает, что не все теоретические экономические модели, даже если они имеют фундаментальный характер и являются научно актуальными, могут быть универсально применимы в междисциплинарном исследовании. В качестве объекта исследования был выбран опыт чилийского «экономического чуда» как наиболее показательный пример удачного перехода от импортозамещающей модели, которая была наиболее распространена в послевоенный период в странах Латинской Америки, к неолиберальной модели экономического развития.

Е.А. Балкова поставила целью рассмотреть эволюцию одного из самых популярных фольклорных феноменов Мексики в одном из самых важных видов искусства XX в. – кинематографе. Статья посвящена выявлению и анализу изменений образа мексиканской фольклорной героини – Льороны, или Плакальщицы, в кинематографе Мексики. В статье были проанализированы 10 кинофильмов, вышедших в прокат в период 1933–2016 гг. Образ Льороны является одним из центральных фольклорных феноменов мексиканской культуры. Он сохраняется в сознании людей и их творчестве более пяти веков, и за это время неоднократно переосмыслился, поскольку каждое поколение актуализировало его по-своему. Кинематограф отражает эволюцию интерпретаций образа Льороны на протяжении восьмидесяти трех лет. За это время он претерпел многочисленные изменения, однако их исследованию уделялось мало внимания не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Выделение и анализ таких изменений, по мнению автора, может помочь лучше понять как мексиканскую культуру, так и ее носителей.

Второй подраздел рубрики, историю российско-латиноамериканских связей, открывает статья Б.А. Правоторова. Она посвящена важной теме изучения истории утверждения православия в Южной Америке как механизма распространения «мягкой силы» России в регионе и института, способствовавшего адаптации русских эмигрантов и сохранению их культуры. В статье рассматривается деятельность православной церкви в Южной Америке с 1887 г., когда местные православные общины обратились к российскому императору Александру III с просьбой открытия первой православной церкви в Южной Америке, по 1917 г., когда Российская империя прекратила свое существование. Одной из главных персоналий статьи является протоиерей Константин (Изразцов), с именем которого связаны практически все события, которые привели к становлению Русской Православной церкви в странах Южной Америки. К.Г. Изразцов был главным инициатором постройки нового Свято-Троицкого храма в Буэнос-Айресе, церкви Покрова Богородицы в провинции Мисьонес, часовни в Росарио, а также нескольких новых приходов в Аргентине и Бразилии. Помимо прочего, протоиерей Константин Изразцов проводил активную миссионерскую деятельность и помогал православным иммигрантам с обустройством на новом месте жительства.

Завершает рубрику статья К.С. Шевяковой. В ней рассматривается один из эпизодов развития дипломатических и научно-технических отношений между Советским союзом и Венесуэлой, а именно латиноамериканский эпизод научной биографии учено-нефтяника, специалиста по газу, доктора технических наук и профессора Фомы Андреевича Требина. Автор анализирует обстоятельства назначения ученого на должность Чрезвычайного и Полномочного Посла в Венесуэле в 1946–1950 гг., описывает интересные сюжеты его научной деятельности, а также характеризует степень влияния данного назначения на последующую научную карьеру. Особое внимание уделяется проведенному Ф.А. Требиным анализу нефтяной промышленности Венесуэлы в 1948–1949 гг., в частности его прогнозам о дальнейшем развитии данной отрасли в стране. Автор делает вывод об особенностях обстановки, в которой работал Фома Андреевич Требин и последующем разрыве дипломатических отношений между Венесуэлой и СССР. Исследование построено на неопубликованных материалах из фондов Государственного архива Российской Федерации.

Предлагаемая читателю рубрика объединила разнообразные аспекты одной большой и практически неисчерпаемой с научной точки зрения темы – истории Латинской Америки. Журнал «Гуманитарный акцент» впервые выделяет на это направление отдельную рубрику, но мы надеемся, что этот первый шаг станет началом активной деятельности молодых исследователей, чья работа фокусируется на латиноамериканском регионе.

В.К. Мусин

Экономические методы в исследовании социально-экономической истории Чили периода диктатуры А. Пиночета (на примере модели Р.М. Солоу)

В статье рассматривается проблема использования экономических моделей в исторических исследованиях на примере объяснения чилийского «экономического чуда» с точки зрения неоклассической модели североамериканского ученого Роберта М. Солоу. Данная модель была создана во второй половине XX в. и значительно повлияла на дальнейшее развитие макроэкономики и на исследование экономики развивающихся стран. Она использовалась в исследованиях японского¹ и корейского² «экономических чудес», а потому модель Солоу может представляться релевантной для анализа схожих социально-экономических феноменов. Междисциплинарный подход в современной исторической науке активно применяется во многих исследованиях, посвященных анализу социально-экономических процессов в разные периоды человеческой истории, однако не вся методология, используемая в других науках, оказывается релевантна объекту исторического исследования. Данная статья призвана показать, что не все теоретические экономические модели, даже если они имеют фундаментальный характер и являются научно актуальными, могут быть универсально применимы. В качестве объекта исследования был выбран опыт чилийского «экономического чуда» как наиболее показательный пример удачного перехода от импортозамещающей модели, которая была наиболее распространена в послевоенный период в странах Латинской Америки, к неолиберальной модели экономического развития.

Ключевые слова: история, экономика, Латинская Америка, Чили, неолиберализм, реформы, модель Р.М. Солоу

Чилийские социально-экономические реформы неоднократно становились объектом исследования в истории, политологии и экономике. Однако многофакторность проблематики неизбежно приводит к необходимости междисциплинарного подхода к объекту исследования. Однако не все методы экономической науки могут дать объективный результат при анализе социально-экономических процессов, происходивших в Латинской Америке

¹ Valdés B. An Application of Convergence Theory to Japan's Post-WWII Economic "Miracle" // The Journal of Economic Education. Milton, 2003. Vol. 34. № 1. P. 61–81.

² Nelson R.R., Pack H. The Asian Miracle and Modern Growth Theory // The Economic Journal. Oxford, 1999. Vol. 109. № 457. P. 416–436.

во второй половине XX в. В статье проводится анализ релевантности модели североамериканского экономиста Роберта Мертона Солоу, ранее применявшейся в исследованиях японского³ и корейского⁴ «экономических чудес» и впоследствии привлекавшейся и для анализа социально-экономического развития Чили в 1973–1989 гг. Эта модель является моделью экзогенного экономического роста, которая объясняет экономическое развитие через семь переменных: объем выпуска (или доход), потребление, рост населения, сбережения, инвестиции, темп выбытия капитала и технологическое развитие. Для анализа социально-экономических реформ в более широком историческом контексте представляется наиболее целесообразно использовать историко-генетический метод, как позволяющий выявить неэкономические факторы, влиявшие на динамику социально-экономических процессов, происходивших после прихода к власти военного правительства в сентябре 1973 г.

Как уже было отмечено, одной из базовых переменных в модели Р. Солоу является объем выпуска (доход), который выражается через изменение других переменных и является главным показателем экономического роста. Основной проблемой при оценке дохода по модели Солоу является то, что она описывает макроуровень экономики, тогда как микроуровень и государственная политика отсутствуют. Модель также подвергалась критике в ходе Кембриджского спора о капитале, где было показано, что данная модель является идеализированной и имеет множество допущений, которые не могут быть реальными в практических условиях. Кроме того, эмпирические данные, за исключением экономических чудес «азиатских тигров», не подтверждают теорию Солоу о конвергенции экономик⁵. По теории американского ученого существуют три причины эффекта конвергенции бедных стран с богатыми: рост производительности в бедных странах быстрее роста производительности в богатых; бедные страны привлекательнее для инвестирования, так как в них выше отдача капитала; наконец, бедные страны получают доступ к технологиям богатых стран, из-за чего происходит их сближение. Данные утверждения, однако, не всегда подтверждаются на практике. Так, к примеру, Роберт Лукас выявил парадокс Лукаса, который доказывает, что капитал не течет в развивающиеся страны, даже несмотря на то что они обладают большей отдачей капитала на единицу продукта⁶.

Другими двумя ключевыми переменными в модели Р. Солоу являются потребление и инвестиции (которые в его теории равны сбережениям). В случае социально-экономической ситуации в Чили потребление, а также сбережения населения и бизнеса в ходе реформ правительства Народного единства были нивелированы инфляцией, превышавшей 500%⁷ осенью 1973 г., и ослаблением финансового рынка страны. Для решения данных проблем правительство военной хунты начало проводить «шоковую терапию» и обвальную приватизацию с возвращением отобранной при Сальвадоре Альенде частной собственности. Население стало активно брать кредиты, а банки стали удовлетворять многократно возросший спрос с помощью заимствований за рубежом (спрос на

³ Valdés B. An Application of Convergence Theory to Japan's Post-WWII Economic "Miracle" // The Journal of Economic Education. Milton, 2003. Vol. 34. № 1. P. 61–81.

⁴ Nelson R.R., Pack H. The Asian Miracle and Modern Growth Theory // The Economic Journal. Oxford, 1999. Vol. 109. № 457. P. 416–436.

⁵ Аджемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста. М., 2018. С. 96.

⁶ Lucas R. Why doesn't Capital Flow from Rich to Poor Countries? // American Economic Review. Pittsburgh, 1990. Vol. 80. № 2. P. 92–96.

⁷ World Economics and Politics (WEP) Statistics. Chile Inflation, consumer prices (annual %). URL: <https://ncgg.princeton.edu/wep/download.html> (дата обращения 06.08.2020).

кредиты для физических лиц с 1973 по 1981 г. вырос на 1100%⁸, а их объем составил 45% ВВП). С точки зрения модели Солоу, данный процесс отмечается ростом потребления при сохранении части получаемого капитала в сбережениях. Однако в теории их доля является постоянной и экзогенной, а потому не отражает реальное поведение человека. На практике в Чили в 1970-е гг. сохранялась тенденция к низкому накоплению. Во-первых, значительная доля населения была безработной либо была трудоустроена в неформальном секторе экономики, а потому никак не отражалась в статистике⁹. Во-вторых, большое количество накопленных плохих долгов (их количество от общих активов превышало 36%)¹⁰, вызвавших банковский кризис в начале 1980-х гг., свидетельствует о низкой норме сбережений: заемщикам нечего было отдавать по долговым обязательствам. Данный тезис подтверждается исследованием Межамериканского банка развития. В 1960–1970-е гг. средняя норма сбережений колебалась между 10 и 15%, но к 1980-м гг. она упала до 5% от национального дохода¹¹.

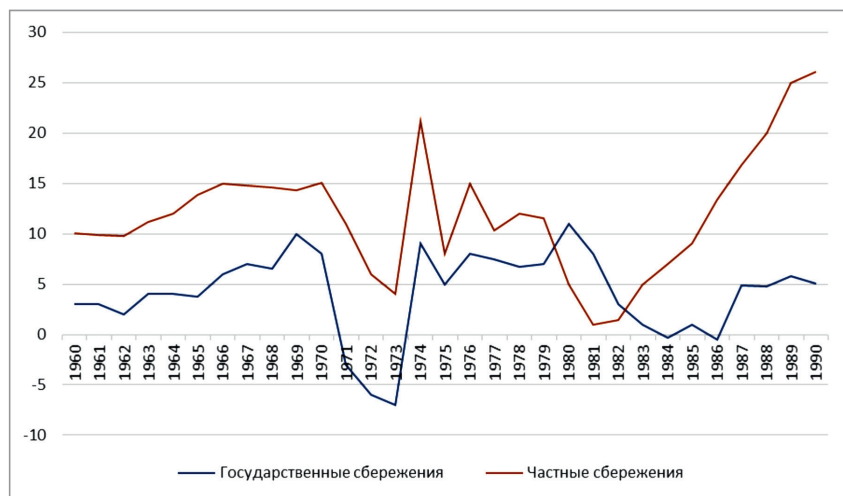

Рис. 1. Национальные сбережения в процентах от располагаемого дохода, 1960–1990 гг. Источник: Understanding Domestic Savings in Chile / Ed. by Cerda R., Fuentes R., García G., Llodrá I.J. Inter-American Development Bank, 2015. P. 20

Проблема низких сбережений была решена увеличением социальной поддержки во второй половине 1980-х гг.: была введена накопительная пенсионная система, поощряющая увеличение сбережений физических лиц. В случае юридических лиц рост сбережений был достигнут изменением налоговой политики: налоговая реформа, проведенная в 1984 г., уменьшала налог на реинвестированную прибыль, что положительно повлияло на объем корпоративных сбережений. Таким образом, только со второй половины 1980-х гг., когда Чили преодолело последствия кризиса и стало активным игроком на международном рынке, модель Солоу начинает отражать реальное состояние потребления и сбережений в экономике.

⁸ Hudson R. Chile: country study. Washington, D.C., 1993. P. 152.

⁹ Гаврилова Т.С. Чили: промышленность и региональное развитие // Латинская Америка: региональные особенности развития промышленности. М., 1987. С. 139.

¹⁰ Юдаева К., Годунова М., Козлов К., Иванова Н. Стратегии выхода из банковского кризиса: международный опыт // Центр макроэкономических исследований. Сбербанк России. М., 2009. С. 12.

¹¹ Understanding Domestic Savings in Chile / Ed. by R. Cerda, R. Fuentes, G. García, I.J. Llodrá. Inter-American Development Bank, 2015. P. 20–24.

Рост населения в неоклассической теории Солоу является постоянным и напрямую влияет на увеличение капитала и, соответственно, на объем выпуска. Для Чили данное утверждение справедливо: за 17 лет правления Аугусто Пиночета население выросло примерно на 33% или на 3 млн человек (см. рис. 2). Преимущественно росло городское население, которое легче усваивало технологические нововведения.

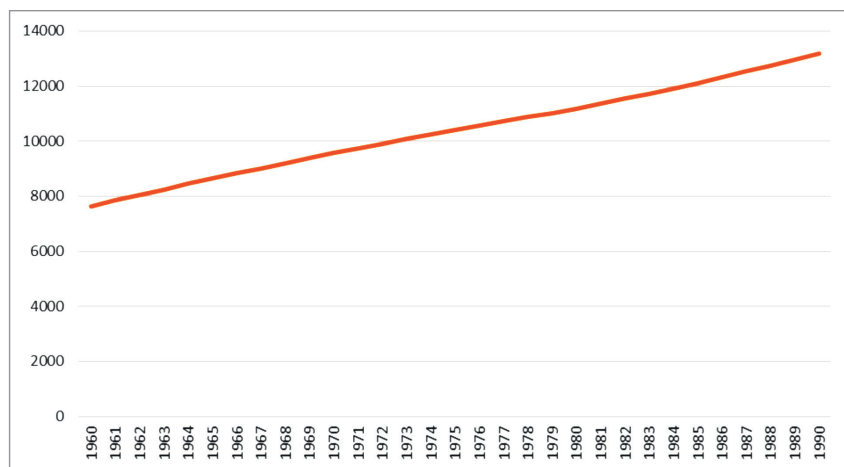

Рис. 2. Численность населения Чили в 1960–1990 гг. в тыс. человек

Источник: The Montevideo-Oxford Latin American Economic History Database-Discontinued. Chile – Population – Total population [Электронный ресурс]. URL: <http://moxlad.cienciassociales.edu.uy/en> (дата обращения: 27.12.2020)

Технологическое развитие в модели Р. Солоу также задается экзогенно и в стационарном состоянии равно производительности труда. В процессе роста сбережений темп роста производительности труда должен быть выше, чем технологического прогресса, и сравняться с ним при достижении нового состояния равновесия. В Чили же производительность труда росла до начала неолиберальных реформ, в среднем во всех отраслях экономики на 5% в год, но за время правления военного режима она упала с 20,9% от показателей США до 16,2%. Причем наибольшее падение произошло в медной и нефтехимической промышленности (с 53,8% до 30%)¹², которые основывались на изъятии природной ренты и получившие преимущество во время либерализации экономики. Данное явление неизбежно отразилось в структуре экспорта Чили. В 1978 г. 2/3 промышленного экспорта приходилось на рыбную муку, оксид молибдена, полуобработанную медь, целлюлозу, необработанную древесину и бумагу. В 1989 г. медь составляла уже 50% экспорта, а рыбная мука, древесина, бумага и целлюлоза – 15%. Промышленные товары с более высокой степенью обработки составили только 11% экспорта¹³.

Выбытие капитала является константой изнашиваемости производственных мощностей, которые высчитываются по каждому предприятию страны. Высчитать его для Чили не представляется

¹² Industrialización y Estado en la América Latina: la leyenda negra de la posguerra / Ed. by E. Cárdenas, A.J. Ocampo, Thorp R. San Diego, 2003. P. 247–249.

¹³ Ibid. P. 248.

возможным, однако, впрочем, это не представляется необходимым в рамках данного анализа. По модели Солоу только два фактора могли привести к чилийскому «экономическому чуду»: рост капитала, как следствие роста сбережений и инвестиций, и рост населения. Конвергенции экономик также не произошло: Чили не смогло догнать развитые страны по ВВП (см. рис. 3).

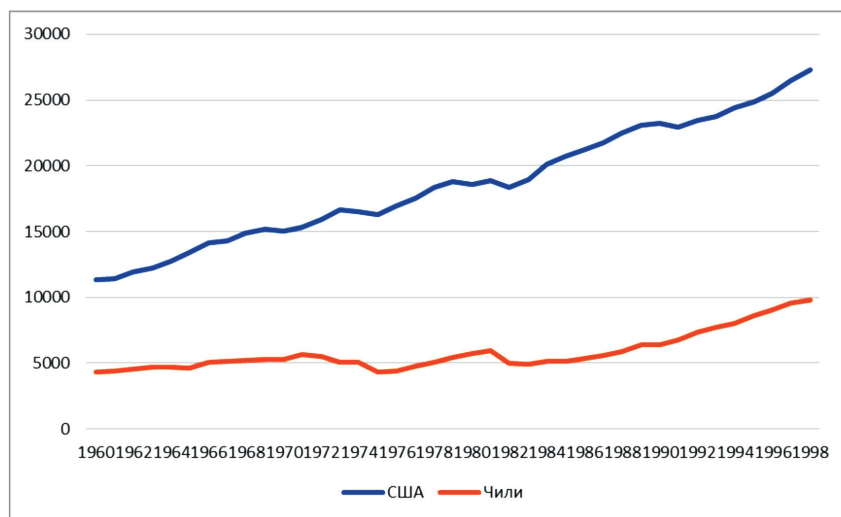

Рис. 3. ВВП на душу населения (на основе ППС) в долл. 1990 г., США и Чили

Источник: The World Economy // Development Centre of the Organisation for Economic Cooperation and Development / Ed. by A. Maddison. Paris, 2006. P. 279

Таким образом, чилийское «экономическое чудо» не может быть всесторонне проанализировано с помощью теории Р. Солоу: к быстрому экономическому росту привели те факторы, которые североамериканский экономист не учитывал или считал экзогенными.

Первым таким фактором была государственная политика. Фискальная и финансовая политики, а также стратегия выхода из банковского кризиса позволили создать базу для быстрого роста экономики. Наиболее значимой причиной, приведшей к «чуду», представляется политика по выходу из банковского кризиса. Чилийское правительство смогло преодолеть кризис, потратив до половины годового ВВП¹⁴, но при этом не позволило экономике страны войти в стадию затянутого восстановления, как это произошло в других странах Латинской Америки (так называемое Потерянное десятилетие)¹⁵.

Вторым фактором был технологический прогресс. Солоу его рассматривает как экзогенное явление, которое влияет на экономику страны вне зависимости от деятельности человека. Однако современная экономическая наука представляет технологическое развитие как продукт непосредственной человеческой деятельности, где наиболее важна возможность усвоения технологий, обозначаемая как общая факторная производительность. Например,

¹⁴ Юдаева К., Годунова М., Козлов К., Иванова Н. Указ. соч. С. 12–14.

¹⁵ Felix D. Latin America's Debt Crisis // World Policy Journal. Durham, 1990. Vol. 80. № 4. P. 753.

согласно исследованию Рудигера Дорнбуша общая факторная производительность росла в Чили быстрее, чем во многих других странах Латинской Америки (см. табл. 2).

Таблица 2

Изменение общей факторной производительности, 1978–1991

Страна	1987–1991 в сравнении с 1978–1982
Аргентина	1,91
Боливия	0,11
Чили	4,96
Коста-Рика	3,25
Мексика	-0,32

Источник: *Dornbush R., Edwards S. Exchange Rate Policy and Trade Strategy // The Chilean Economy: Policy Lessons and Challenges. Washington, D.C., 1994. P. 97.*

Таким образом, неоклассическая модель Роберта М. Солоу не представляется релевантной при исследовании экономик стран Латинской Америки. Предпринятая попытка междисциплинарного анализа показала, что она не может считаться таковой, поскольку упускает слишком много факторов, играющих существенную роль в исторической динамике социально-экономического развития. Стоит отметить, что универсальных моделей, объясняющих, почему бедные страны не могут стать богатыми, экономика на сегодняшний день предложить не может. Роль фискальной и кредитно-денежной политики государства и их взаимодействия с технологическим прогрессом изучали многие ученые, однако наиболее объективной представляется модель распространения технологий (модель Барро – Сала-и-Мартина), большинство тезисов которой подтверждается эмпирическими данными¹⁶.

¹⁶ Барро Р.Д., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. М., 2010. С. 474–478.

Е.А. Балкова

Эволюция образа Льорона в мексиканском кинематографе

Данная статья посвящена выявлению и анализу изменений образа мексиканской фольклорной героини – Льорона, или Плакальщицы, в национальном кинематографе. Для достижения данной цели были проанализированы 10 кинофильмов, вышедших в прокат в период между 1933–2016 гг. Актуальность данной работы заключается в той значимости, которую несет Льорона для мексиканской культуры и ее носителей. Этот образ живет в сознании людей и их творчестве более пяти веков, и за это время неоднократно переосмыслялся, поскольку каждое поколение актуализирует его по-своему. Кинематограф отражает эволюцию интерпретаций образа Льорона на протяжении восьмидесяти трех лет. За это время произошли многие изменения, однако их исследованию уделялось мало внимания не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Однако выделение и анализ таких изменений может помочь лучше понять как мексиканскую культуру, так и ее носителей. Для достижения этой цели в образе Льорона были выделены три стабильно имеющиеся «вехи», которые остаются неизменными вне зависимости от интерпретаций. Фактически были выделены те детали, которые делают Льорону – Льороной. К ним относятся этап становления, деятельность и взаимоотношение с живыми персонажами. После того, как было обнаружено неизменяемые «вехи», стало возможно выделение изменяющихся черт. В результате их анализа были выявлены четыре тенденции, отражающие не только изменения образа, но и запрос на это со стороны зрительской аудитории.

Ключевые слова: Мексика, культура, история, фольклор, кинематограф, идентичность, Льорона

Льорона – героиня мексиканского фольклора, сравнимая по значимости для национальной культуры с Девой Марией Гваделупской и Малинче. Ее название происходит от испанского глагола *llorar* – плакать, оплакивать, скорбеть. Это отражает характерную черту героини, а именно оплакивание своих погибших детей и собственной участи. Льорона очень важна для мексиканской культуры, так как постоянно появляется в ее произведениях

на протяжении пяти столетий, и является, таким образом, важным элементом мексиканской культурной идентичности. Говоря о Льороне как о культурном явлении, мы говорим о явлении крайне широким в определении и протяженном во времени.

Изучению образа Льороны в кинематографе не уделялось пристального внимания. Обращение к данной проблематике можно встретить в монографии Домино Рене Перес «There Was a Woman. La Llorona from Folklore to Popular Culture»¹, вышедшей в 2008 г., где образ Льороны наблюдается в разных культурных проявлениях, в том числе в кинематографе. Также образу Льороны посвящено исследование 2011 г. «La Llorona: leyenda híbrida en la cinematografía mexicana» Альмы Делии Саморано Рохас. Автор основывается на материале схожем с тем, что анализируется в данной статье, но задает ему другие вопросы, главный из которых посвящен гибриднему характеру данной легенды. Автор приходит к выводу, что Льорона является результатом гибридизации письменных повествований, появившихся в колониальный период, и городских легенд современной Мексики, которая воссоздается в коллективном воображении через кинематограф². Существуют также работы, где исследуется образ Льороны в конкретных фильмах, например, «Chicana Feminism and Horror: Fear La Llorona»³ Орхидеи Моралес (однако, в ней исследуется фильм не мексиканского происхождения) и «31 kilómetros de Ciudad de México a Tokio. Km 31, la Llorona y el cine de horror japonés»⁴ Габриэля Эльхайек-Родригеса.

Легенда о Плакальщице является легендой со сложным прошлым, чьи корни трудно отследить из-за ее гибридного характера. Д.Р. Перес считает, что колониальный вариант легенды тесно связан с ацтекским мифом, который описывает Бернардино де Саагун⁵. Однако вопрос связи легенды о Льороне с доиспанским прошлым и ее происхождение – отдельная проблема. Данная статья опирается на вариант легенды, получивший распространение в колониальный период⁶.

Образ Льороны получил широкое распространение в литературе и, начиная с XIX в.⁷, в музыке. Однако не менее важным средством воспроизведения и интерпретации образа Льороны является кинематограф, и он является уникальным источником в вопросе изучения данной темы по ряду причин. Во-первых, устойчивость и актуальность образа: первый фильм о Льороне, *La Llorona* (Ramón Roón, 1933), вышел в прокат в 1933 г., а последний на данный момент *Kilómetro 31-2*. (Rigoberto Castañeda, 2016) – в 2016 г. На протяжении всего этого периода было снято десять картин. То, насколько воспроизводим этот образ, говорит о его неугасающей популярности, и этот факт делает его крайне интересным объектом исследования. Во-вторых, характерной чертой кино является то, что оно, помимо удовлетворения потребности автора в творчестве, рассчитано на определенную аудиторию. Кинопродукция стремится соответствовать имеющемуся спросу, поэтому она апеллирует к преобладающим в аудитории моделям мышления, ценностям и интересам. Это позволяет допустить, что образ Льороны на протяжении рассматриваемого периода менялся в зависимости от потреб-

¹ Perez D.R. There Was a Woman. La Llorona From Folklore to Popular Culture. Austin: University of Texas Press, 2008. P. 17.

² Zamorano Rojas A.D. La Llorona: leyenda híbrida en la cinematografía mexicana // Actas IV Congreso Internacional sobre análisis filmico. Madrid: Ediciones de Ciencias Sociales, 2011. P. 1226.

³ Morales O. Chicana Feminism and Horror: Fear La Llorona // Utah Foreign Language Review. Salt Lake City: University of Utah College of Humanities Dept of Languages and Literature, 2010. P. 1–9.

⁴ Eljaiek-Rodriguez G. 31 kilómetros de Ciudad de México a Tokio. Km 31, la Llorona y el cine de horror japonés // Revista Internacional d'Humanitats. Barcelona: Univ. Autònoma de Barcelona, 2013. P. 7–18.

⁵ Cit. ex.: Perez D.R. Op. cit. P. 17.

⁶ Сорокина Я.В. Образ Плакальщицы как фактор становления этнокультурного самосознания мексикано-американцев: Дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / МГУ им. Ломоносова. М., 2009. С. 25.

⁷ Сорокина Я.В. Фольклорный образ Плакальщицы: основные мотивы // Вестн. Моск. ун-та. Серия. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2009. № 1. С. 72.

ностей аудитории и режиссерского видения. Эта принципиально важная мысль указывает на главную цель данной статьи – выявление и анализ тех изменений, которые произошли в образе Льороны в период с 1933 по 2016 г.

Наиболее подходящим для проведения такого исследования представляется метод контент-анализа. В легендах о Льороне были выделены принципиальные «вехи», стабильно имеющиеся, но отличающиеся от образа к образу: становление, деятельность и взаимоотношения с живыми героями. Анализ этих стабильных частей образа был взят в качестве задач исследования, и далее были выявлены различия и схожести этих «вех» в киновоплощениях легенды. Все фильмы были сгруппированы по схожести и оценены смысловыми группами с целью проследить общие тенденции в образе.

Персонаж Льороны обладает двойственным характером: его история трагична, но при этом ее образ используется для устрашения. С одной стороны, о ней сочиняли стихи и песни, с другой – пугали ей детей. Таким образом, Льорона оказалась подходящим героем для фильмов ужасов, которые представляют собой специфический источник. Фильмы, в том числе фильмы ужасов, рассчитаны на широкую аудиторию, и для их создания заимствуются народные сказки и легенды, а также архетипы из них⁸.

Становление

Льорона – мистическая сущность, и для того чтобы превратиться в нее, смертная женщина должна пройти этап становления. Наличие этого процесса является константой сюжета, но его прохождение менялось с течением времени. Эти изменения оказали влияние на образ Плакальщицы и его восприятие. Однако Сорокина Я.В. отмечает, что единственным постоянным элементом всех сюжетов о Льороне является только имя – La Llorona⁹. В случае произведений кинематографа это утверждение не может считаться однозначно верным, так как все образы Льороны объединяет история существования в статусе смертной женщины и последующего перехода в статус мистического существа.

Наиболее популярен в рассматриваемых фильмах сценарий становления, в котором женщина теряет своих детей, а потом погибает сама. К этой большой группе можно отнести все фильмы из рассматриваемого списка за исключением *La maldición de la Llorona* (Rafael Baledón, 1963), где Льорона имеет с классическим образом лишь общее имя. В указанном фильме эта сущность представляет собой безгранично могущественную женщину, «которая хотела власти и пожертвовала всем для достижения этой цели». Это хронологически первый фильм, где становление Льороной, могущественной мистической сущностью, является осознанным выбором женщины: она демонстрируется как самостоятельный субъект, а не жертва обстоятельств. Последний аспект является характерным, в свою очередь, для самой распространенной версии легенды¹⁰. В положении жертвы автор фильма ставит мужчин, и это примечатель-

⁸ Morales O. Op. cit. P. 2.

⁹ Сорокина Я.В. Образ Плакальщицы... С. 18.

¹⁰ Там же. С. 26.

но, так как традиционный вариант легенды о Льороне чаще предполагает виктимизацию женщины.

Возвращаясь к большой группе из девяти фильмов, где становление связано с потерей матерью детей и ее последующей смертью, можно снова выделить смысловые группы. К первой из них относятся все те фильмы, где дети гибнут от рук своей матери. Из этой группы выпадает фильм *El grito de la muerte* (Fernando Méndez, 1958), где дети погибают в ходе несчастного случая. Льорона в данном фильме является легендой, созданной антагонистами, а не действующим лицом. Тем не менее классическая черта становления, связанная с потерей детей, сохраняется и в этом случае. Я.В. Сорокина, опираясь на произведения фольклора и прозы мексикано-американцев, утверждает: «деструктивное начало Льороны связано с «оскорблением женского достоинства, десакрализацией женщины». Только такой поступок способен подтолкнуть женщину на уничтожение своего творения, детоубийство»¹¹. Для конкретного случая из кинематографа данное утверждение не является верным, т. к. деструктивное начало Льороны не связано с вышеуказанными явлениями.

Теперь, отсеяв отличия, можно приступить к рассмотрению большой группы, состоящей из восьми фильмов, где Льорона – это мать, убивающая своих детей. По мнению Я.В. Сорокиной, такой вариант легенды является самым популярным не только в кинематографе¹². Во всех случаях Льорона совершает убийство из-за предательства мужчины, который, вопреки своим обещаниям узаконить отношения, в которых родились дети, берет в жены другую женщину, равную ему по статусу. Причем такая общая ситуация в каждом отдельном случае несет в себе индивидуальные особенности.

В таком сценарии становления образ Льороны неразрывно связан с такими чувствами, как боль от предательства, измены и несправедливости. Это истории о женщинах, находящихся в безвыходных ситуациях, которые бессильны в своем социальном статусе, и могут постоять за себя только в образе могущественной мистической сущности. Эта мысль встречается также в статье Орхидеи Моралес, которая называет Льорону «голосом, который кричит против несправедливости»¹³. Сам акт убийства детей тоже читается в разные годы по-разному, в одних фильмах это результат помутнения рассудка (*La Llorona* (Ramón Peón, 1933), *La herencia de la Llorona* (Mauricio Magdaleno, 1947), *Las Lloronas* (Lorena Villarreal, 2004), *Kilómetro 31* (Rigoberto Castañeda, 2005), *J-ok'el* (Benjamín Williams, 2007), *Kilómetro 31-2*), в других – расчетливый первый шаг на пути к долгой мести (*La venganza de la Llorona* (Miguel M. Delgado, 1974)), в-третьих – помутнение, но не только аффект, а еще и желание убить своих детей, так как они являются отражением мужчины, который предал будущую Льорону (*La Llorona* (René Cardona, 1960)).

После убийства детей и собственной смерти женщина превращается в мистическую сущность – Льорону. Почему происходит превращение? Почему вместе со смертью не заканчивается эта история о предательстве, ошибках и боли? Есть два варианта раз-

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Morales O. Op. cit. P. 3.

вития сюжета. Иногда смерть является шагом на пути к вечному мщению, который, однако, не отменяет боли от потери детей, как то происходит в фильмах *La Llorona* (Ramón Peón, 1933), *El grito de la muerte*, *La Llorona* (René Cardona, 1960), *La venganza de la Llorona*, *Las Lloronas*.

Чтобы превратиться в орудие мести, женщина проклинает предавшего ее мужчину и его потомков и становится Льороной по воле судьбы. В более поздних фильмах это становится возможным из-за продажи души дьяволу в обмен на возможность мстить. Но часто образ Льороны лишен мести, женщина превращается в нее из-за того, что даже после смерти не может отпустить свою боль и найти покой. Угнетаемая чувством потери, она ищет замену своим убитым детям в фильмах *Kilómetro 31*, *J-ok'el*, *Kilómetro 31-2*.

Таким образом, из классического нарратива о слабой женщине-жертве, выбиваются фильмы, вышедшие в 1958–1974 гг. В 1958 г. Льорона является не действующей героиней, а использованной антагонистами легендой, которая призвана найти объяснения совершаемым ими убийствам; в 1960 г. впервые поднимается проблема того, что женщина может испытывать ненависть, пуская и носящую характер вспышки, к своему ребенку как к отражению его отца; в 1963 г. Льорона это сильная мистическая сущность, чья цель – это сила, а в 1974 г. Льорона это расчетливая женщина, которая мстит во время жизни при помощи хитрости, и после смерти помощи сверхъестественных способностей.

Деятельность

Когда женщина становится Льороной, она переходит в новый статус – статус мистической сущности. Характер действий женщины в новом статусе тесно связан с предшествующим этапом становления. Поэтому характер деятельности Льороны можно вновь разбить на три смысловых группы.

К первой группе будут отнесены те фильмы и образы, где основным мотивом действий является попытка справиться с болью от потери детей и предательства мужчины, а именно *La Llorona* (Ramón Peón, 1933), *El grito de la muerte*, *La Llorona* (René Cardona, 1960), *La venganza de la Llorona*, *Kilómetro 31*, *J-ok'el*, *Kilómetro 31-2*. Ко второй группе можно отнести те образы Льороны, которые не характеризуются активной деятельностью в сюжете фильма. По этой причине их невозможно проанализировать и сделать иные выводы, кроме общего, о том, что как действующий герой она отходит на второй план. Такую Льорону можно увидеть в фильмах *La herencia de la Llorona* и *Las Lloronas*, оба из которых посвящены живым героям, а не Льороне – в первом фильме она эпизодически появляется, чтобы восстановить справедливость, а во втором она фигурирует только как женщина, наложившая проклятие на род главных героинь. Но это интересно, т. к. месть накладывается не на первенца или детей в целом, акцент смещается на одиночество женщин – в их роду погибают мужчины.

К третьей группе следует отнести тот образ Льороны, где основным мотивом становления является жажда власти, а деятельность направлена на ее преумножение и демонстрацию. Это тот образ можно наблюдать в фильме *La maldición de la Llorona*, и он никак не связан с ролью женщины как матери или жертвы. Фактически, фильм, в котором он создан, вообще стоит особняком от всех остальных, и потому является таким примечательным. Можно сделать предположение о том, что на него оказало влияние начало второй волны феминизма – распространенная легенда была интерпретирована как легенда о сильной женщине, а в сценарий Льорона была вписана уже как классическая злодейка из фильмов ужасов, лишенная четкой мотивации и предыстории. Этот необычный фильм, чей выход пришелся на начало второй волны феминизма, вероятно, является примером того, о чем пишет Орхидея Моралес, ссылаясь на Хукса: «фильмы не просто дают нам возможность переосмыслить культуру, они ее создают»¹⁴.

Возвращаясь к первой группе, которая объединяет тех Льорон, которые пытаются справиться с болью потери ребенка и предательства мужчины, чувством вины за совершенную ошибку, необходимо заметить, что разные образы реализуют эту деятельность по-разному. В некоторых фильмах, таких как *Kilómetro 31*, *J-ok'el*, *Kilómetro 31-2*, Льороны пытаются найти замену своим мертвым детям. В других же Льороны, осознавая, что это невозможно, мстят живым людям – либо всем подряд, как в фильмах *La Llorona* (Ramón Peón, 1933) и *El grito de la muerte*, либо потомкам отца своих детей, что можно наблюдать в фильмах 1960 г., 1974 г. и 2004 г. Также иногда трудно отделить деятельность Льороны от деятельности живых людей, т. к. несколько раз антагонисты использовали легенду о ней, чтобы совершать преступления, но в данной статье рассматривается именно легендарная часть истории, в том числе созданная в ходе сюжета персонажами, а не людские действия под прикрытием мистики (рис.1, 2).

Рис. 1

Рис. 2

Дуальность проявляется и визуально. Зачастую Льорона очень похожа на смертную женщину, которой была раньше, но с пугающими чертами лица – глубокими тенями, глазами навыкате, гримасой злобы. Например, в фильме *La Llorona* (René Cardona, 1960) приведены последовательные кадры, которые подчеркивают связь Льороны с женщиной, которой она когда-то являлась]

¹⁴ Ibid. P. 1.

Следующее, на что необходимо обратить внимание, это то, чем именно Льорона пугает героев и зрителей, ведь характерный для нее жанр фильмов это хоррор. Этот образ примечателен тем, что даже в современном кинематографе страх, который он вызывает, дуален – с одной стороны, пугает мистическая составляющая, например паранормальные способности Льороны, ее внешний вид, а иногда присущая ей жестокость монстра. Но пугает еще и вполне реальная составляющая ее образа, а именно история человеческих отношений: предательство, убийство собственных детей и последующее вечное мучение, потому что все это вполне возможно в повседневной жизни.

Нельзя проследить какую-то конкретную тенденцию того, какая из двух составляющих начинает преобладать в мексиканском кинематографе. Исключение могут составить только последние из вышедших на данный момент фильмы *Kilómetro 31* и *Kilómetro 31-2*, где наблюдается небольшой перевес в сторону пугания зрителя за счет мистической составляющей. Вероятно, мексиканские режиссеры относились к легенде достаточно бережно и избегали ее превращения в кинематографический «штамп».

Взаимоотношение с живыми героями

Если изъять из ее образа элемент взаимодействия с живыми людьми, Льорона перестала бы быть Льороной. Этот пункт тесно связан с предыдущим, но нужно понимать его отличие – здесь живые герои тоже будут рассмотрены как акторы, а не как объекты, на которые Льорона оказывает влияние.

Стоит начать с того, как герои реагируют на Льорону после первого упоминания о ней или после первой встречи. Интересно, что еще в первом фильме в 1933 г. произносится фраза «призраки существуют лишь в легендах», и этот лейтмотив неизменно пролегает через все последующие фильмы. Герои всегда отрицают Льорону, пока у них не останется иного выбора, кроме как признать ее наличие. Иногда, правда, это является ошибкой, потому что образ Льороны может использоваться антагонистами с целью вредительства протагонистам. Молодые герои почти всегда руководствуются здравым смыслом и рассудком, в то время как пожилые герои больше полагаются на традиции и легенды, выступая носителями культуры. Интересным примером является фильм *J-ok'el*, где в традиционную латиноамериканскую легенду верит женщина-мексиканка, в то время как мужчина-американец до последнего отрицает Льорону и без уважения относится к местным традициям и религии. В двух фильмах, *El grito de la muerte* и *J-ok'el*, отрицание Льороны и торжество рассудка было оправдано, но временной промежуток между этими фильмами слишком велик, чтобы говорить о какой-либо закономерности. Имеются в виду те фильмы, где антагонисты использовали легенду о ней, чтобы совершать преступления, но на данном этапе в работе рассматривается именно легендарная часть истории, а не людские действия под ее прикрытием.

Необходимо отметить, что на протяжении всех фильмов про Льорону наблюдается тенденция – после начала XXI в. она начинает побеждать. Если раньше отрицавшие ее герои были вынуждены признать ее существование, но в конце концов все равно одерживали над ней победу, то с началом нового века ситуация изменилась. Сюда можно отнести четыре фильма – *Las Lloronas*, где Льорона выступает только как женщина, наложивший проклятие на род, к которому принадлежат главные героини. Проклятие в данном случае – это рок, которого нельзя избежать никакими способами. Мистика впервые одерживает верх. Следующий фильм это *J-ok'el*, где Льорона это легенда и смертная женщина, которая из-за развода с мужем сходит с ума и, ассоциируя себя с Льороной, крадет и убивает чужих детей. Вопрос о мистической составляющей фильма вместе с финалом остается открытым, но ясно одно – здесь тоже победило «зло», но уже принявшее очертания в отличие от предыдущего, где оно является безликим проклятием. Оставшиеся два фильма имеет смысл рассматривать в связке, т. к. они являются диалогией – *Kilómetro 31* и *Kilómetro 31-2*. Их можно назвать апогеем воплощения в образе Льороны иррационального и сильнеешего «зла» (рис. 3).

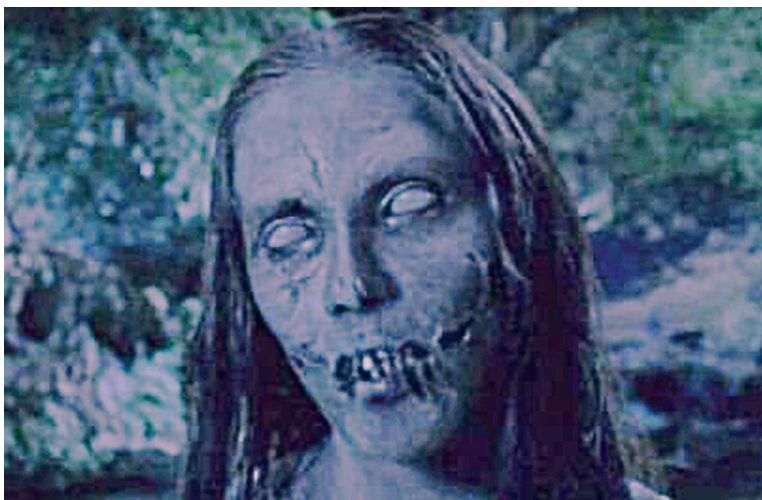

Рис. 3. Нужно подчеркнуть, что в визуальном изменении образа нельзя проследить такую же тенденцию на устрашение зрителя, как в изменении сути образа. Визуально образ Льороны из диалогии *Kilómetro 31* и *Kilómetro 31-2* выбивается на фоне сдержанных образов предыдущих лет. Тем не менее примечательно, что в данном случае ужесточение образа связано и с визуальным аспектом

Льорона в этих двух фильмах впервые предстает перед зрителем в качестве жестокого и могущественного монстра, от которого невозможно скрыться. По мнению Габриэля Эльхайек-Родригеса, *Kilómetro 31* отсылает зрителя к реальным убийствам¹⁵ и является попыткой дать им объяснение¹⁶. Эльхайек-Родригес указывает на параллели в данном фильме с японской культурой и традицией

¹⁵ Eljaiiek-Rodriguez G. Op. cit. P. 10–13.

¹⁶ Ibid. P. 16.

фильмов ужасов, говоря, что Льорона перенимает черты духов, которые циклично воспроизводят зло¹⁷. Он считает, что в данном фильме рассматривается проблема насилия над женщинами, воплощенная в образе Льороны¹⁸. Возможно, это так, но статья была написана до выхода второй части, где главная деятельность Льороны заключается в похищении и убийстве детей. Развивая мысль Эльхаек-Родригеса, в основе сюжета – идея о том, что от насилия со стороны мужчин страдают сначала женщины, а потом косвенно и дети. В данной статье ранее был сделан вывод о том, что данная диалогия относится к той группе фильмов, где Льорона является страдающей, а не мстительной сущностью. Если же подключить к анализу все предыдущие фильмы, то можно прийти к выводу о том, что образ Льороны с начала XXI в. в мексиканском кино становится все более жестоким и фатальным. Герои не могут объяснить Льорону, как это было раньше, они не могут одержать над ней победу. Это первые два фильма, где так явно прослеживается страх перед хаосом, перед необъяснимым и неизбежным. Льорона в этих фильмах отождествляется с чем-то почти природным, с подавленной водной стихией. Льорона здесь впервые не боится религии. Если раньше, например в фильме 1974 г., она не могла причинить вред ребенку до тех пор, пока тот носит на шее крест, то в этой диалогии она убивает людей после молитвы и может ломать подвески-кресты. В фильме *J-ok'el* такого нет, но главные герои видят в храме дух пропавшего ребенка и дух Льороны на земле кладбища. Это можно трактовать как попытку переосмыслить отношения между религией и мистикой.

Нельзя утверждать, что причина такой перемены образа в XXI в. заключается только в том, что человечество разочаровалось во всемогуществе прогресса и задумалось о своем страхе перед необъяснимым и непонятным. В данной работе рассматриваются хоррор-фильмы, задача которых испугать зрителя, и такое изменение классического образа Льорны, вероятно, было направлено в том числе на привлечение широкой публики в ущерб уникальным чертам классической легенды.

Заключение

В результате анализа произведений мексиканского кинематографа в рассматриваемый период представляется возможным выявить несколько тенденций.

Во-первых, в период 1958–1974 гг. образ Льороны переосмыляется. Это происходит через полное отрицание легенды и объяснение мистики логикой. Легенды переосмыляется на рациональной основе, на понимании того, что женщина может испытать ненависть к своим детям, как отражению их отца. Образ также переосмыляется в интерпретации Льороны как сильной мистической сущности, чья цель – это сила, и, наконец, через интерпретацию Льороны как женщины, которая хочет мстить и готова пойти ради этого на сделку с дьяволом.

¹⁷ Ibid. P. 13.

¹⁸ Ibid. P. 15.

Во-вторых, нельзя проследить тенденцию того, на какой способ напугать зрителя делается ставка – мистический или реальный, т. к. единственное исключение – дилогия одного режиссера, где преобладает мистика, еще не позволяет говорить о закономерности. Из этого можно сделать о том, что мексиканцы относятся к легенде о Льороне достаточно бережно и избегают ее превращения в «штамп».

В-третьих, в промежутке между 1974–2004 гг. не было снято ни одного мексиканского фильма про Льорону. Это тоже можно считать за тенденцию – по каким-то причинам, общество и создатели фильмов не были заинтересованы в этом образе.

В-четвертых, после тридцатилетнего отсутствия Льорона вернулась на экраны совсем иной – непобедимой и носящей черты неизбежного и хаотического зла.

До сих пор был снят всего один фильм-драма, где образ Льороны был бы акцентирован в большей степени на трагедии этой героини. С момента выхода первого фильма в 1933 г. преобладает тот вариант, где Льорона это противник рассказчика, сверхъестественная сила¹⁹, даже в тех фильмах, где ее трагедии уделяется внимание.

Несмотря на некоторые тенденции и схожести, образ Льороны в кинематографе остается крайне многообразным, и именно вариативность его интерпретаций дает представление о его значимости для мексиканской культуры. Легенда о Льороне основана на сюжете, который можно представить в реальности колониального периода. История о покинутой женщине с внебрачным ребенком встречается во многих культурах, странах и периодах. Для мексиканской культуры эта история воплощена в Льороне, и повествует она об очень личных переживаниях, которые сохраняют актуальность в массовой культуре с момента оформления легенды до наших дней. Поэтому образ Льороны, который объединяет в себе проблемы любви, материнства, предательства, мести и даже межкультурной коммуникации продолжает переосмысляться уже в современных декорациях с обращением к современным проблемам и с позиции современных взглядов, выражая связи и актуализацию традиционного фольклора и идейных течений новейшего времени в идентичности мексиканцев.

Кинофильмы

- La Llorona (Ramón Peón, 1933)
- La herencia de la Llorona (Mauricio Magdaleno, 1947)
- El grito de la muerte (Fernando Méndez, 1958)
- La Llorona (René Cardona, 1960)
- La maldición de la Llorona (Rafael Baledón, 1963)
- La venganza de la Llorona (Miguel M. Delgado, 1974)
- Las Lloronas (Lorena Villarreal, 2004)
- Kilómetro 31 (Rigoberto Castañeda, 2005)
- J-ok'el (Benjamín Williams, 2007)
- Kilómetro 31-2. (Rigoberto Castañeda, 2016)

¹⁹ Сорокина Я.В. Образ Плакальщицы... С. 33.

Б.А. Правоторов

Становление и деятельность православной церкви в Южной Америке (1887–1917)

Статья посвящена изучению истории строительства православия в Южной Америке. В статье рассматривается деятельность православной церкви в Южной Америке с 1887 г., когда местные православные общины обратились к российскому императору Александру III с просьбой открытия первой православной церкви в Южной Америке, по 1917 г., когда Российская империя прекратила свое существование. Основное внимание уделяется деятельности протоиерея Константина (Изразцова), при котором православная церковь стала играть важнейшую роль в деле адаптации эмигрантов к другой этнической, религиозной, культурной среде, став одним из центров славянской и православной эмиграции в странах Южной Америки.

Ключевые слова: православная церковь, русская эмиграция, Изразцов, Аргентина, Свято-Троицкий храм в Буэнос-Айресе

Первая половина XIX в. знаменуется началом регулярных поездок русских путешественников в страны Южной Америки¹. Во время одной из экспедиций, а именно во время кругосветного плавания 1817–1819 гг. под командованием В.М. Головнина произошел курьезный случай, который показывает, что «вопрос» православия встал в Южной Америке еще задолго до переселения на континент русских поданных и строительства первой православной церкви. Ф.П. Литке, участник того кругосветного плавания, в своих мемуарах вспоминал о поведении перуанцев, когда они увидели распятие, висевшее в каюте капитана. Они «весьма радовались, как будто тогда только узнавали, что мы христиане; показывали кресты, которые они носят на шее, желали видеть наши, целовали их, заставляли целовать свои и, наконец, сами нас обнимали»². Таким образом, можно понять, что местное население стран Южной Америки не знало о православии и вероисповедании русских поданных в первой половине XIX в.

¹ Буйнова К.Р. Русские путешественники в Латинской Америке в XIX – первой трети XX в.: эволюция представлений: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 4.

² Там же. С. 141.

Массовая же эмиграция из России в страны Южной Америки, в основном в Аргентину и Бразилию, началась в конце 1870 – начале 1880-х гг.³ Ее называют либо «первой» волной эмиграции, либо «трудо­вой» эмиграцией⁴. Первыми иммигрантами были поволжские немцы и евреи, которые основали несколько своих колоний в Бразилии и Аргентине.

В 1885 г. между Россией и Аргентиной были установлены официальные дипломатические отношения. Чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Аргентинской республике был назначен посланник Российской империи в Бразилии А.С. Ионин. Благодаря его активности в Аргентине укоренилось православие⁵.

К тому моменту в Аргентине и Уругвае образовались православные диаспоры греков, славян (далматинцев, сербов, черногорцев), румын и болгар. Также в Аргентине существовала большая диаспора сирийцев. Русских православных в Аргентине было не более полдюжины, и они были рассеяны по всей стране⁶. Отсутствие православной церкви ущемляло интересы вышеуказанных диаспор. Католическая церковь, пользуясь своей ведущей ролью, склоняла православных к переходу в католичество⁷.

1 октября 1887 г. местные православные, среди которых было несколько русских, обратились к российскому императору Александру III с просьбой об открытии православной церкви в Буэнос-Айресе. Данную инициативу поддержали А.С. Ионин и обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев.

14 июня 1888 г. Александр III подписал указ об открытии православной церкви в Буэнос-Айресе при Императорской миссии Российской империи. Церковь располагалась в трех комнатах наемного дома. Ее настоятелем стал священник М. Иванов⁸. Церковные принадлежности (престол, иконостас, церковная утварь, одежды и т. д.) были присланы из Мадрида, где ранее существовала подобная церковь при дипломатической миссии⁹.

1 января 1889 г. на южноамериканском континенте была отслужена первая православная литургия, было совершено несколько крещений и бракосочетаний. Радость православных насчет открытия храма была недолгой, поскольку спустя всего лишь год после первой литургии, в 1890 г., церковь оказалась на грани закрытия. Между священником Ивановым и одной из славянских общин произошел конфликт, что привело к временному прекращению служб и финансовых поступлений со стороны местных общин¹⁰. Данная ситуация привела к тому, что священник Иванов был вынужден вернуться в Россию.

В 1891 г. по решению Священного Синода настоятелем церкви был назначен протоиерей Константин (Изразцов)¹¹. Он родился в семье бедного священника Тверской епархии, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1888 г. о. Константин стал псаломщиком при Императорской миссии в Гааге, где его произвели в сан диакона. В апреле 1891 г., как было сказано выше, Изразцов был назначен настоятелем Русской Православной церкви в Буэнос-Айресе при Императорской Российской миссии в Южной

³ Дементьев А.А. Падение самодержавия и русские эмигранты в Аргентине // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 4. С. 1209.

⁴ Мухачев Ю.В. Из истории становления русской общины на латиноамериканском континенте // Русское зарубежье: история и современность. 2016. С. 174–175.

⁵ Бородаев В.А. Русские православные ортодоксы и старообрядцы в Латинской Америке // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 5 (83). С. 176.

⁶ Ивашевич А. Апостол Южной Америки – протопресвитер Константин Изразцов. 2004–2015 [Электронный ресурс]. URL: http://ricolor.org/rz/latin_amerika/argentina/mp/2/ (дата обращения 25.05.2020).

⁷ Мосейкина М.Н. Отец Константин Изразцов и его роль в судьбе русской эмиграции в странах Латинской Америки // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2009. Т. 2. № 19. С. 63.

⁸ Хмыров Д. Спорные вопросы истории РПЦЗ (1920–1945) / Вступл. Ю.К. Руденко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 131.

⁹ Изразцов К.Г. Православная церковь в Буэнос-Айресе при Императорской миссии в Южной Америке. СПб.: Синод. тип., 1904. С. 16.

¹⁰ Письмо министра иностранных дел России Н.К. Гирса поверенному в делах России в Бразилии П.М. Богданову об интересах России в Латинской Америке, и в частности в Аргентинской Республике // СССР (Россия) – Аргентина: Страницы истории, 1885–1986: Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел и культы Аргентин. респ.; [Редкол.: Сов. часть: Э.А. Шеварднадзе и др., Аргентин. часть: Д. Капуто и др.]. М.: Политиздат, 1990. С. 29–30.

¹¹ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии: Материалы к словарю-справочнику. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2008. С. 165.

Америке. Спустя несколько дней после этого протоиерея К.Г. Изразцова произвели в сан священника. Кроме того, до 1917 г. о. Константин являлся русским дипломатическим представителем в Буэнос-Айресе¹².

Прибыв в Буэнос-Айрес и увидев воочию состояние храма, которое не соответствовало «величию и мощи дорогой родины», о. Константин поставил себе целью «воздвигнуть в Аргентине Русское Святилище, которое могло бы поднять родное православие на подобающую ему высоту и дало бы настоящее правильное понятие о чисто русской вере для жителей далекой Южной Америки...»¹³.

В 1895 г. произошло два знаменательных события в истории Русской православной церкви в Аргентине. Первое – 4 июня 1895 г. на место А.С. Ионина был назначен М.Н. Гирс, который перенес свою резиденцию из Рио-де-Жанейро в Буэнос-Айрес, что «внесло много оживления в церковную жизнь»¹⁴. Таким образом, в Аргентине была учреждена постоянно действующая русская миссия в Буэнос-Айресе. Второе событие – это открытие 18 июня того же года приходской школы при посольской церкви¹⁵. Обучением в школе занимался сам о. Константин, псаломщик и жена священника. Дети обучались в школе чтению, письму, молитвам, Священной истории, церковному пению и счислению. Обучение в основном велось на испанском, но из-за пестрого национального состава оно также проводилось на славянском, греческом и арабском языках¹⁶.

Изразцов активно искал источники финансирования для строительства нового православного храма. Священнослужитель понимал, что местные православные не могли себе позволить вкладывать большие суммы в дело строительства, поэтому о. Константин был вынужден обратиться за помощью к соотечественникам. Так, например, на протяжении нескольких лет он высказывался в «Церковных ведомостях» о необходимости поддержать строительство храма¹⁷. Обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев услышал просьбы Изразцова и выделил ему 18 100 руб. из церковных средств Синода. Этих средств хватило на покупку земли, но нужны были еще деньги на строительство самого храма.

Во время своего отпуска в России в 1897 г. о. Константин призвал к «общенародному сбору средств для построения храма в далекой Аргентине»¹⁸. Он лично ездил по городам страны и собирал пожертвования. Более того, К.Г. Изразцову удалось добиться аудиенции у императора Николая II, который лично пожертвовал 5000 руб. на строительство церкви. Пожертвование внесла вдовствующая императрица Мария Федоровна, а также другие члены императорской фамилии¹⁹. Кроме того, большие суммы пожертвовали Иоанн Кронштадтский, П.П. Боткин и Д.Ф. Самарин.

6 декабря 1898 г. в праздник святителя Николая Чудотворца был заложен первый камень в фундаменте храма. На церемонии присутствовал российский поверенный А.А. Греггер и представители президента Аргентины²⁰.

В 1899 г. о. Константин впервые отправился из Буэнос-Айреса в другие города Аргентины для осуществления миссионерской де-

¹² Там же. С. 166.

¹³ Изразцов К.Г. Указ. соч. С. 16.

¹⁴ Православная церковь в Буэнос-Айресе за 1895 год // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1896. 17 февр. С. 261–263.

¹⁵ Из Буэнос-Айреса // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1895. 9 сент. С. 1247.

¹⁶ Ивашевич А. Указ. соч.

¹⁷ Русская православная церковь в Буэнос-Айресе, в Аргентинской республике, в Южной Америке // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1894. 8 янв. С. 47–48; Из Буэнос-Айреса // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1895. 9 сент. С. 1247; Изразцов К.Г. Православная церковь в Южной Америке // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1897. 18 окт. С. 1536.

¹⁸ Бородаев В.А. Указ. соч. С. 176.

¹⁹ Изразцов К.Г. Православная церковь в Буэнос-Айресе... С. 16.

²⁰ Изразцов К.Г. Из Буэнос-Айреса // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1899. 6 февр. С. 256.

тельности. Священник посетил такие города, как Мендоса, Росарио, Кордова, Сан-Хусто, Санта-Фе и др. Как сообщал временный поверенный в делах России в Аргентине К. де Сала: «Все эти города являются центрами, где находится много православных, к которым никогда не приезжал священник их вероисповедания»²¹. Поводом для такой поездки было присоединение русских галичан-униатов к православной церкви²².

Кроме того, в том же 1899 г. К.Г. Изразцов посетил Бразилию, где число православных сирийцев даже превышало число аргентинских прихожан. Протоиерея К. Изразцова пригласили в Сан-Паулу, где он прожил несколько месяцев и основал небольшое попечительство. Дело Изразцова продолжил сирийский монах Г. Шеадэ²³. Через несколько лет после посещения Бразилии Изразцовым было сформировано общество святителя Николая, которое ставило своей целью постройку православной церкви в Рио-де-Жанейро. В 1903 г. в Бразилию прибыл сирийский священник о. Николай Дугли и архимандрит Сильвестр²⁴.

23 сентября 1901 г. состоялось освящение Свято-Троицкого храма с престолами во имя святого Николая Чудотворца и Марии Магдалины. На церемонии присутствовал президент Аргентины Х. Рока, поверенный России А.А. Греггер, французский посланник граф Сала и представители других государств²⁵. Двухэтажный храм был построен в историческом центре города по проекту племянника русского консула А. Кристоферсона. Его отделка относится к стилю московских церквей XVII в. Вот как об этом событии писали в церковной печати: «Устроенный и освященный ныне самостоятельный храм, увенчанный пятью куполами со всеми характерными особенностями русской церковной архитектуры, внушил всем уверенность, что Православие стало здесь твердою ногою и, при помощи могущественной России, будет с подобающей честью держать свое знамя. Теперь каждый православный с полным сознанием может сказать своему совопроснику: «прииди и виждь! вот моя церковь, вот моя вера!»»²⁶. Несмотря на то, что к моменту открытия Свято-Троицкого храма в Южной Америке уже существовали различные православные общины, действовала посольская церковь, именно со строительством и открытием Свято-Троицкого храма отец К.Г. Изразцов связывает «дебют православия в Америке»²⁷.

Помимо прочего, в 1901 г. в Аргентину прибыл второй священник, который владел арабским языком, что в дальнейшем сказалось на увеличении количества прихожан православной церкви.

После постройки Свято-Троицкого храма о. Константин задумался об обустройстве при нем церковной школы. В марте 1902 г. церковная школа была открыта²⁸. Преподавателями в школе были о. Константин и диакон Миленко, им помогали их жены. Обучались в школе преимущественно сирийцы и греки.

К 1904 г. в Аргентине проживало около 8–9 тыс. православных, большинство из которых были сирийцами²⁹. С 1905 г. начался массовый выезд русских и украинцев из России в основном на уборку хлеба³⁰. С 1906 по 1913 г. русская эмиграция в Аргентину выросла

²¹ Нота временного поверенного в делах России в Аргентинской республике Конде де Сала министру иностранных дел и культа Аргентинской республики А. Алькорта с просьбой разрешить поездку по стране русскому православному священнику К. Изразцову // СССР (Россия) – Аргентина: Страницы истории, 1885–1986: Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел и культа Аргентин. респ. [Редкол.: Сов. часть: Э.А. Шеварднадзе и др., Аргентин. часть: Д. Капуто и др.]. М.: Политиздат, 1990. С. 38.

²² Изразцов К.Г. Из Буэнос-Айреса // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1899. 23 окт. С. 1776.

²³ Пулятова Э.Г. Культурная миссия православной церкви в Южной Америке (кон. XIX – нач. XX в.) // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции, 22 мая 2002 г. СПб., 2003. С. 252.

²⁴ Изразцов К.Г. Из Буэнос-Айреса // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1904. 6 марта. С. 375.

²⁵ Изразцов К.Г. Освящение православного храма в Буэнос-Айресе // Церковные ведомости. 1901. 8 нояб. С. 1630.

²⁶ Августин (Никитин). Русский храм в Буэнос-Айресе [Электронный ресурс]. 2001–2020. URL: <https://spbda.ru/publications/arhimandrit-avgustin-nikitin-russkiy-hram-v-buenos-ayrese/> (дата обращения 25.05.2020).

²⁷ Пулятова Э.Г. Указ. соч. С. 251.

²⁸ Изразцов К.Г. Из Буэнос-Айреса // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1903. 19 апр. С. 631.

²⁹ Миленко И. Из Буэнос-Айреса // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1904. 17 июля. С. 1087.

³⁰ Августин (Никитин). Указ. соч.

в 3 раза и составила 120 тысяч человек. Русская эмиграция занимала третье место в Аргентине после итальянцев и испанцев³¹.

Многие из новопривывших иммигрантов были униатами из Западной Украины и Австро-Венгрии. К 1905 г. они обосновались в провинции Мисьонес. Колонисты обратились к Изразцову с тем «...чтобы Вы нас прикорнули под покров православной церкви»³². В ноябре 1907 г. он прибыл в Мисьонес, где смог присоединить часть униатов к православию. Однако такая политика о. К.Г. Изразцова вызвала недовольство со стороны католических священников, которые различными способами мешали миссионерской деятельности о. Константина. Тем не менее с помощью Изразцова в провинции Мисьонес появился присланный из России православный священник о. Тихон. Благодаря их совместным усилиям в 1908–1909 гг. им удалось открыть церковь Покрова Богородицы и приходскую школу³³.

Как отмечает Э.Г. Путятова, русская эмиграция 1905–1907 гг. закрепила за собой репутацию «беспокойного элемента»³⁴. В 1908 г. в Буэнос-Айресе анархисты – выходцы из России совершили теракт в одной из церквей и убили начальника полиции, что вызвало «протест и негодование в здешнем обществе против русских вообще...»³⁵. Более того, в 1912 г. произошли беспорядки в колонии Трес-Капонес, в которой ранее священнослужителем был поставлен о. Тихон. Администратор колонии через прессу придал беспорядкам форму восстания и под этим предлогом арестовал нескольких православных членов колонии, в том числе и о. Тихона. Изразцов добился освобождения о. Тихона и его перевода в Бразилию.

В 1912 г. в бразильском городе Кампина-дас-Миссоес эмигранты из России построили первый русский православный храм в Бразилии³⁶.

В 1911 г. протоиерей К.Г. Изразцов взял кредит у одного из аргентинских предпринимателей и на эти деньги построил недалеко от церкви доходный дом на 14 квартир, который спустя некоторое время превратился в один из главных источников к существованию³⁷. В 1913 г. Священный Синод и МИД России вверили в управление о. Константину церковное имущество «с удержанием 10% сбора дохода в вознаграждение его заслуг по приобретению этого имущества»³⁸. С 1913 г. в Аргентине был связан сильнейший экономический кризис, который повлек за собой безработицу. Безработными оставались многие местные православные жители, поэтому о. Константин обратился в Священный Синод с просьбой разрешить ему начать сбор средств на постройку при церкви ночлежного дома и бесплатного покоя для нуждающихся³⁹. В 1914 г. Изразцову было разрешено собирать пожертвования, ночлежный дом был основан. Кроме ночлежного дома при церкви была построена небольшая больница⁴⁰.

Необходимо отметить тот факт, что русских православных в странах Южной Америки было меньшинство, преобладали сирийцы, греки, славяне с Балкан. В 1914 г. в Аргентину приехал сирийский митрополит И. Дибба. Это был первый случай, когда в Южной Америке появился православный епископ. Тогда же в

³¹ Косик В.И. Указ. соч. С. 167.

³² Путятова Э.Г. Указ. соч. С. 252.

³³ Августин (Никитин). Указ. соч.

³⁴ Путятова Э.Г. Указ. соч. С. 254.

³⁵ П. Т-ий. О состоянии русского православного прихода в Аргентине в 1901 году // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1911. 4 июня. С. 988.

³⁶ Бородаев В.А. Указ. соч. С. 178.

³⁷ Базанова Е. Белая эмиграция, суд с РПЦ и уругвайская тюрьма. Как живет русский православный храм в столице Аргентины [Электронный ресурс]. 2019–2020. URL: <https://www.currenttime.tv/a/argentina-orthodox/30149721.html> (дата обращения 25.05.2020).

³⁸ Косик В.И. Указ. соч. С. 167.

³⁹ Высочайшее повеление // Церковные ведомости. Синодальная типография. 1914. 17 мая. С. 244.

⁴⁰ Дементьев А.А. Падение самодержавия и русские эмигранты в Аргентине // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 4. С. 1217.

г. Сантьяго-дель-Эстери появилась Антиохийская православная церковь. В 1917 г. арабами был построен еще один храм и открыта приходская школа⁴¹.

Начало Первой мировой войны еще более ухудшило положение русских эмигрантов в Аргентине. О. Константин пытался всеми силами помочь Родине, «содействуя возвращению в Россию эмигрантов, пожелавших с оружием в руках защищать родную землю»⁴².

1916 год Изразцов называл самым продуктивным в истории православной церкви в Южной Америке⁴³. В том же году была открыта церковь в Росарио, было построено пять новых квартир в доходном доме, несколько раз Изразцову приходилось ездить в провинции Аргентины для посещения православных⁴⁴.

Февральская революция и последующие после нее события внесли разлад во взаимоотношения православной общины в Аргентине с Петроградом. В апреле 1917 г. отец К.Г. Изразцов был освобожден от занимаемой им должности секретаря дипломатического отдела Русской миссии в Буэнос-Айресе⁴⁵. В русской общине, в основном у представителей неправославной религии, также накопились претензии к о. Константину. Дошло даже до того, что Изразцову угрожали убийством и тем, что «спалят православный храм»⁴⁶.

Отец Константин совершал регулярные поездки по Аргентине, где лично основал несколько приходов, и Бразилии, где было также создано несколько приходов и церквей. Несмотря на то что священнослужитель находился в далекой Аргентине, он не забывал о своей Родине и помогал ей в период Первой мировой войны. Изразцов способствовал возвращению в Россию тех эмигрантов, кто хотел защищать ее с оружием в руках. Кроме того, вплоть до 1917 г. о. Константин был дипломатическим представителем России в Южной Америке.

Таким образом, с именем протоиерея К.Г. Изразцова связаны практически все события и процессы, которые вели к становлению Русской Православной церкви в странах Южной Америки. При его непосредственном участии был основан первый православный храм в Южной Америке, при нем была построена приходская школа, приют для нуждающихся и небольшая больница. Изразцов вел постоянный сбор средств в пользу бедствующих. Еще одной заслугой о. Константина является привлечение многих бывших униатов и католиков к православию. При его участии православная церковь играла важнейшую роль в деле адаптации эмигрантов к другой этнической, религиозной, культурной среде и помогала им сохранить национальную самобытность, превратившись в один из центров славянской и православной эмиграции в странах Южной Америки.

⁴¹ Максимов Ю. Православие в Аргентине [Электронный ресурс]. 2007–2020. URL: <http://www.pravoslavie.ru/3223.html> (дата обращения 25.05.2020).

⁴² Августин (Никитин). Указ. соч.

⁴³ Путьятова Э.Г. Указ. соч. С. 255.

⁴⁴ Там же. С. 255.

⁴⁵ Августин (Никитин). Указ. соч.

⁴⁶ Путьятова Э.Г. Указ. соч. С. 256.

К.С. Шевякова

В поисках «черного золота»: латиноамериканский эпизод в научной биографии Ф.А. Требина

В статье исследуется латиноамериканский эпизод научной биографии ученого-нефтяника, специалиста по газу, доктора технических наук и профессора Фомы Андреевича Требина. Автор анализирует обстоятельства назначения ученого на должность Чрезвычайного и Полномочного Посла в Венесуэле в 1946–1950 гг., описывает интересные сюжеты его научной деятельности, а также характеризует степень влияния данного назначения на последующую научную карьеру. Особое внимание уделяется проведенному Ф.А. Требиным анализу нефтяной промышленности Венесуэлы в 1948–1949 гг., в частности его прогнозам о дальнейшем развитии данной отрасли в стране. Автор также делает акцент на особенностях обстановки, в которой работал Фома Андреевич Требин, и обстоятельствах последующего разрыва дипломатических отношений между Венесуэлой и СССР. Исследование основано на неопубликованных материалах из фондов Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: Латинская Америка, Венесуэла, экономика, Ф.А. Требин, научная биография, нефть

Научная деятельность Фомы Андреевича Требина (1904–1971), известного в отрасли нефтяной и газовой промышленности ученого, инженера, доктора технических наук (1941), профессора (1942), заслуженного деятеля науки и техники РСФСР (1964), освещалась в историографии¹. Однако не вполне изученным остается интересный эпизод в его биографии – пребывание на посту Чрезвычайного и Полномочного посла в Венесуэле в 1945–1950 гг. Его исследование важно не только для понимания внешнеполитического курса СССР в послевоенные годы, в частности специфики его латиноамериканского вектора, но и для устранения конкретной лакуны в научной биографии – характеристики научного вкла-

¹ Коротаяев Ю.П., Булавин Л.Б., Петров В.Н. Профессор Ф.А. Требин (1904–1971). М.: Нефть и газ, 1996. 36 с.; Вклад Фомы Андреевича Требина в развитие нефтегазовой науки и технологий (к 100-летию со дня рождения) // Нефтяное хозяйство. 2004. № 10. С. 48–49.

да Ф.А. Требина в изучение нефтяных месторождений и промышленности Венесуэлы.

Интересно, что на момент прибытия в страну посол, единственный из дипломатической миссии, не говорил по-испански. По этой причине он был вынужден учить язык на месте: при посольстве его преподавателями были испанская республиканка Елена Эррерорс де Толедо и белоэмигрант К. Брусилов. Конечно, это обстоятельство вызывает вопросы. Кроме того, Требин не был профессиональным дипломатом и никогда не интересовался внешней политикой. В СССР он был известен как крупный специалист по нефти и газу, его работа была отмечена многочисленными орденами, медалями и знаками (в частности он получил орден «Знак Почета» и значок «Отличник Социалистического Соревнования Тяжелой промышленности»), наконец, Ф.А. Требин состоял в партии ВКП(б), впрочем, он вступил в ее ряды незадолго до назначения на пост посла. Отметим еще одно обстоятельство – его диплом доктора технических наук был выдан за номером 31, а аттестат профессора за номером 26. Это свидетельствует о том, что Фома Андреевич был одним из первых специалистов в сфере нефтяной промышленности, а также одним из основоположников нефтяной и газовой наук. Неудивительно, что в период активизации «нефтяной» конкуренции между СССР и США в латиноамериканском регионе именно его кандидатура – ученого-теоретика и практика, способного правильно оценить положение иностранных корпораций в нефтяной промышленности и ознакомиться с возможными техническими новинками в данной сфере, была предложена в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Венесуэле.

Профессиональному дипломату, возможно, трудно было бы решить те задачи, которые стояли тогда перед Фомой Андреевичем. Однако и Ф.А. Требин столкнулся на посту Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР с непривычной для него работой по установлению торгово-экономических связей, организации культурно-идейной пропаганды среди местного населения и, наконец, особенностями дипломатического протокола на приемах и культурных мероприятиях в Каракасе. Из последних венесуэльцам запомнился торжественный прием в честь 29-й годовщины Октябрьской революции, проходивший 7 ноября 1946 г. и впоследствии широко освещенный в газетах². На нем присутствовал полный состав правительства Венесуэлы во главе с Ромуло Бетанкуром, а также представители местной элиты, промышленных кругов и прессы³. Организованный же в 1946 г. Ф.А. Требиным Венесуэло-советский институт культуры на короткий период стал центром притяжения венесуэльской интеллектуальной элиты⁴. Как пишет Е.В. Демушкина в своей книге «Венесуэла после Второй мировой войны 1945–1958», институт развернул большую просветительскую и пропагандистскую работу и сильно повлиял на развитие венесуэло-советских дружеских отношений⁵.

Однако на протяжении всей работы советской миссии Ф.А. Требина как ученого прежде всего занимало все, связанное с нефтью и профессией в целом. За период пребывания в Венесуэле Фома Андреевич написал семь закрытых научно-технических работ по нефтяной и газовой промышленности Венесуэлы и других стран⁶.

² ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5187. Л. 56.

³ Там же.

⁴ Демушкина Е.В. Венесуэла после Второй мировой войны: 1945–1958. М.: Наука, 1969. С. 63.

⁵ Там же.

⁶ Кортаев Ю.П., Булавинов Л.Б., Петров В.Н. Указ. соч. С. 26.

В этом отношении его интересы совпали с повесткой дня. В августе 1946 г. в правительственной газете “El País” было опубликовано заявление министра развития экономики Альфонсо Переса, в котором говорилось о том, что правительство Венесуэлы в будущем предлагает самостоятельно экспортировать часть нефти, получаемой в виде ройялти от нефтяных компаний (согласно нефтяному закону от 1943 г. компании, эксплуатировавшие месторождения, должны были отдавать государству 16½ % нефтедобычи, но фактически выкупали эту часть (т. е. ройялти) по ценам, которые были ниже мировых), так как это будет выгоднее для страны⁷. В октябре того же года поступило новое заявление от министра, где он сообщил, что «правительство предложило иностранным нефтяным компаниям план совместного сооружения и эксплуатации нефтеочистительного завода. Оно стремится к тому, чтобы в будущем вся нефть, добываемая в стране, очищалась на месте»⁸. В других заявлениях правительство подчеркивало, что не желает ссориться с иностранными предпринимателями, так как стране нужны были зарубежные капиталовложения⁹.

Ф.А. Требин изучал состояние нефтяной промышленности Венесуэлы, следил за открытием новых скважин и нефтепроводов. По согласованию с МИД Венесуэлы в августе 1946 г. посол в сопровождении первого секретаря Л. Дятко посетил штаты Арагуа, Карабобо, Яракуй, Лара, Трухильо и Сулия, известные своими крупными нефтяными месторождениями¹⁰. В этих штатах в то время шла добыча никеля, меди, ртути и других полезных ископаемых (особенно стоит выделить город Маракайбо в штате Сулия, где в 1917 г. были обнаружены богатые месторождения нефти, а к середине XX в. появились крупные магистрали и промышленные предприятия). Посетил Фома Андреевич и поселки Лагунильяс и Кабимас, где проживали нефтяники¹¹.

Посол просматривал и прессу на предмет новостей из мира нефти и газа (с переводами ему помогал третий секретарь посольства Н. Демидов¹²). Особое внимание он уделял материалам из каракасской газеты “El Universal”¹³, в которых содержалась информация о технологических новинках и общем состоянии венесуэльской нефтепромышленности. Периодически в газете печаталась интересная статистика по экспорту венесуэльской нефти и нефтепродуктов. Помимо этого, Ф.А. Требин читал и американский журнал “World Petroleum”¹⁴. Так, в материалах этих периодических изданий в 1948 г. Фоме Андреевичу встретились интересные данные об экспорте сырой нефти и нефтепродуктов, анализ которых позволил ему сделать прогноз касательно перспектив развития нефтедобывающей промышленности в Венесуэле. Ф.А. Требин предположил возможное сокращение темпов роста добычи нефти в связи с неизбежным падением производительности старых фонтанных скважин¹⁵. Обосновывая свой вывод, Фома Андреевич привел в пример американскую нефтяную компанию “The Creole Petroleum Corporation” (Standard Oil of New Jersey), которая до 1951 г. была производителем нефти номер один в мире. Данная компания была образована еще в 1920 г. специально для разработки месторождений в

⁷ Демушкина Е.В. Указ. соч. С. 49.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Никадров Н. Дипломаты Сталина в Каракасе // Латинская Америка. 2005. № 3. С. 32–53.

¹¹ Там же.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 250. Л. 13.

¹³ Там же. Оп. 50 а. Д. 960. Л. 103.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 104.

бассейне озера Маракайбо штата Сулия. В 1946 г. и в начале 1947 г. “The Creole Petroleum Corporation” добывала около 90% всей фонтанной нефти в Венесуэле, однако к концу года доля в общей добыче сократилась на 4%¹⁶, что Ф.А. Требин объяснял именно общим падением производительности фонтанных скважин, характерным для такого вида эксплуатации нефтяных месторождений.

В 1948 г. после закрытия 2076 скважин¹⁷, в том числе и фонтанных, Фома Андреевич сделал вывод о том, что нефтяная промышленность Венесуэлы вступает в кризис, и оказался прав. В первой половине 1949 г. спад продолжился: размер бурения сократился, технических новинок не было, а количество рабочих, уволенных нефтяными компаниями за 6 месяцев 1949 г., превысило 12 тыс. человек¹⁸. В стране нарастал внутривластный кризис: на волне экономических проблем начались выступления за восстановление политических свобод и свержение военной хунты. 17 января 1949 г. забастовали 25 тыс. нефтяников штата Сулия, важнейшего нефтяного района страны, дававшего 80% всей добычи нефти Венесуэлы¹⁹.

В накалившейся внутривластной обстановке в Венесуэле обострилась антикоммунистическая и антисоветская пропаганда, связанная с «нефтяными страхами»²⁰. Переломным событием для советской миссии стало заключение Североатлантического пакта 1949 г., обусловившего усиление США в регионе. В комплексе эти события привели к разрыву советско-венесуэльских отношений в 1952 г. (они были восстановлены только в 1970 г.), а Ф.А. Требин же покинул страну еще в 1950 г. по приказу правительства²¹.

Неудача дипломатической миссии не отразилась на карьере Требина-ученого. В 1950–1953 гг. и в 1955–1957 гг. Ф.А. Требин был членом коллегии – начальником технического управления в Министерстве нефтяной промышленности СССР. В промежутке между 1953 г. и 1955 г. он занимал пост директора Всесоюзного нефтегазового научно-исследовательского института Министерства нефтяной промышленности СССР²². В 1957–1960 гг. Фома Андреевич стал председателем Государственного научно-технического комитета Совета министров РСФСР. В 1961 г. он был назначен директором Всероссийского научно-исследовательского института природных газов (ВНИИГАЗ) и проработал на этом посту до 1965 г. С 1960 г. и до конца жизни Ф.А. Требин заведовал кафедрой разработки и эксплуатации газовых и газоконденсатных месторождений Московского ордена Трудового Красного Знамени института нефтехимической и газовой промышленности (МИНХ и ГП)²³.

Короткий латиноамериканский эпизод в научной биографии Ф.А. Требина иллюстрирует специфику внешней политики СССР в послевоенные годы. Перед ученым были поставлены сложные стратегические задачи, для решения которых оказались необходимы его профессиональные навыки. Несмотря на неудачу советской миссии в Венесуэле в 1946–1950 гг. и последующий разрыв дипломатических отношений, Ф.А. Требин проявил себя как квалифицированный специалист, востребованный и после завершения его миссии в Латинской Америке.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 250. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 23–24.

¹⁹ Демушкина Е.В. Указ. соч. С. 109.

²⁰ Никадров Н. Указ. соч.

²¹ ГАРФ. Ф. А-408. Оп. 2. Д. 198. Л. 8.

²² Там же. Л. 20.

²³ Кортаев Ю.П., Булавинов Л.Б., Петров В.Н. Указ. соч. С. 18.

Статьи в номер

УДК 378
ББК 74.48

В.О. Неруш

Учебные планы для «северян»: об одном межведомственном конфликте в Ленинграде в 1925–1930 гг.

Статья посвящена анализу учебных планов для Северного факультета, на котором в 1920-е гг. в Ленинграде обучались представители коренных малочисленных народов Севера. В документах находит отражение конфликт между представителями правлений институтов, при которых находился факультет в рассматриваемый период, и Комитетом Севера, отвечавшего за соответствие деятельности Северного факультета интересам национальной политики. В статье делается вывод о трудностях продуктивного сотрудничества двух ведомств, осуществлявших контроль над деятельностью Северного факультета. Объясняется необходимость преобразования факультета в 1930 г. в отдельное учебное заведение – Институт народов Севера.

Ключевые слова: Северный факультет, Севфак, Институт народов Севера, коренные малочисленные народы Севера, Комитет Севера, Ленинградский институт живых восточных языков, Ленинградский восточный институт

Северный факультет (далее – Севфак) был воплощением одного из смелых педагогических замыслов 1920-х гг., реализуемых в контексте новой национальной политики. Идея проекта заключалась в обучении представителей коренных малочисленных народов Севера в Ленинграде под руководством выдающихся этнографов своего времени. Выпускники Северного факультета после обучения должны были вернуться на малую родину по месту распределения «для длительной работы» – хозяйственной, кооперативной, идеологической – среди малых народов Севера¹. По этой причине факультет находился под наблюдением специального органа, созданного для содействия развитию этих народов – Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (далее – Комитет Севера). Последний должен был быть спо-

© Неруш В.О., 2021

Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ», проект «Советская наука 1920–1980 гг.: от манифеста к мейнстриму».

¹ ГАРФ, Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 152.

способствовать выстраиванию учебного процесса на Севфаке в соответствии как со спецификой образовательного уровня и восприятия действительности самих северных студентов, так и с особенностями их будущего трудоустройства.

Вплоть до выделения в самостоятельный Институт народов Севера в 1930 г. Севфак находился в составе и, следовательно, в административном подчинении тех вузов, к которым принадлежал. В 1925/26 уч. г. он функционировал при Ленинградском государственном университете (ЛГУ), с 1926/27 по 1929/30 уч. г. – при Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ), с 1927 г. переименованного в Ленинградский восточный институт (ЛВИ). Такое подчиненное положение влекло за собой определенные сложности в регулировании деятельности факультета, поскольку руководство вузов не всегда учитывало специфику Севфака. В связи с этим документы фиксируют разногласия между представителями Комитета Севера и правлениями этих вузов, оказывавших влияние на формирование нового образовательного проекта.

Период ведомственной подчиненности Севфака ЛГУ был слишком кратковременным (только 1925/26 уч. г.), чтобы можно было охарактеризовать степень такого влияния. Поэтому большее внимание стоит уделить существованию Севфака при ЛИЖВЯ-ЛВИ. Представляется, что перевод был сделан в целях «развития северного цикла обучения» на новом уровне материальной поддержки и в новом статусе учебного заведения при ЦИК СССР (с 1926 г.)².

Обратим внимание на то, как проявлялись разногласия между Комитетом Севера и представителями правления ЛИЖВЯ-ЛВИ на примере их дискуссии по вопросу содержательного наполнения учебных планов для Севфака.

Распределение учебных часов по дисциплинам на подготовительном отделении и в первый год обучения показано в табл. 1.

Таблица 1

Распределение учебных часов³ по дисциплинам на Севфаке ЛИЖВЯ-ЛВИ в 1926/27 уч. г.

Кол-во студентов (из них северян)		16 (10)	16 (3)	13 (7)	14 (9)	14 (12)	15 (9)	11 (5)	13 (11)
№	Учебные часы/ группы	Подг. (6)	Подг. (5)	Подг. (4)	Подг. (3)	Подг. (2)	Подг. (1)	1 курс (2)	1 курс (1)
1	Русский язык	10						7	
2	Математика	6						5	
3	Политграмота	3						2	
4	География	2						3	
5	Рисование	2						2	
6	Физкультура	2						2	
7	Обществоведение	–						3	
8	Биология	–						3	
9	Животноводство	–						2	
10	Английский	–						2	

² Там же.

³ Учебный час составлял 50 минут. Богораз В.Г. Северный рабфак // Северная Азия. 1927. № 2 (14). С. 60.

Если во время функционирования Севфака при ЛГУ весь факультет состоял только из одной группы студентов, то при ЛИЖВЯ-ЛВИ в 1926/27 уч. г. их количество возросло до девяти: существовало шесть групп на подготовительном курсе, две – на первом курсе и одна «группа оканчивающих» на втором курсе. Распределение студентов по группам проходило с учетом их способностей и успеваемости (так, первая подготовительная группа была самой «сильной» из всех подготовительных, а шестая – самой «слабой»)⁴.

Как показывает табл. 1, учебный план на первый учебный год в рамках ЛИЖВЯ-ЛВИ по большей части включал общеобразовательные предметы, наличие которых было характерно для рабфаков 1920–1930-х гг. вообще: русский язык, математика, политграмота, география, рисование, физкультура, обществоведение, биология, животноводство, английский⁵. Представляется, что содержание учебных программ совпадало с целями других общеобразовательных программ рабфаков: изучение русского языка, который должен был стать общим для говорящих на разных наречиях обучающихся, было направлено на развитие общей грамотности, общественно-политические дисциплины (обычно политграмота, политическая экономия, экономическая политика, экономическая география) должны были готовить к соответствующей общественно-политической работе, исторический курс имел в основе историю классово-борьбы в период капиталистического развития, в математике в основном уделялось внимание приложению геометрии к решению задач на вычисление, иностранный язык, бывший обязательным в тот период даже на вечерних рабфаках (и, наверное, менее всего необходимый для изучения студентам Севфака), должен был дать учащемуся элементарный запас слов, грамматических и переводческих навыков⁶. Такой набор дисциплин послужил в дальнейшем поводом для комментариев о том, что «Северный факультет дает знания книжные, мало связанные с жизнью туземца»⁷. «Специальным» предметом для севфаковцев на этом этапе можно назвать, наверное, только животноводство.

Конечно, план нельзя назвать удачным: многие студенты обладали недостаточным объемом первоначальных знаний для усвоения такой программы, рассчитанной скорее на среднестатистического советского студента рабфака и вовсе не учитывавшей особенностей студента-нацмена. План справедливо критиковали. Так, В.Г. Тан-Богораз, один из основателей Севфака⁸, в 1927 г. предлагал в будущем ввести специализацию студентов по двум направлениям: во-первых, в сторону технического и ремесленного обучения по отраслям, «наиболее необходимым для северных туземцев, как то: меховому, скорняжному и кожевенному делу, слесарно-оружейному делу, плетению рыболовных сетей, резьбе по кости и пр.»; во-вторых, в сторону обучения кооперативному делу для обслуживания интегральной туземной кооперации на Крайнем Севере в качестве инструкторов, техников и организаторов. В этом случае студенты могли готовиться к работе одновременно в области общей и технической культуры⁹. Позиция В.Г. Богораз была традиционно близка позиции Комитета Севера, поэтому можно предположить,

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Волобуева М.М. Качество подготовки инженеров по данным Ивановского текстильного и Середского рабфаков // Наука и современность. 2010. № 7-1. С. 53–54.

⁶ Там же.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 9. Д. 17. Л. 3 об.

⁸ Смирнова Т.М. Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 2. Т. 4. С. 52.

⁹ Богораз В.Г. Указ. соч. С. 63.

что и в этом вопросе он скорее озвучивал его точку зрения: уже 12 мая 1927 г. Ученым Комитетом ЦИК СССР было постановлено переработать программы обучения с целью их адаптации к образовательному уровню студенческого контингента¹⁰. Ввиду этого в учебный план на 1927/28 уч. г. были внесены некоторые изменения.

Новый учебный план показан в табл. 2.

Таблица 2

Распределение учебных часов по общим предметам
на Севфаке ЛИЖВЯ-ЛВИ в 1927/28 уч. г.

№	Предмет	Мл. подг.	Ст. подг.	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс
1	Русский язык	12	12	8	6	4	4
2	Математика	4	6	8	6	3	3
3	Политическая грамота	2	2	2	–	–	–
4	История	–	–	–	4	4	4
5	Политическая экономика и экономическая политика	–	–	–	–	3	2
6	Национальный вопрос	–	–	–	–	–	1
7	Национальные язык и культура	2	2	2	2	2	2
8	Промысловые предметы	–	–	2	2	–	–
9	География	–	–	3	3	–	–
10	Биология	–	–	2	2	2	2
11	Физика	–	–	–	3	3	2
12	Химия	–	–	–	–	3	–
13	Графика	3	3	3	2	–	–
14	Физическая культура	3	3	–	–	–	–
Итого		26	28	30	30	24	20

Источник: ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 73.

Как показывает табл. 2, в обновленный учебный план были включены такие предметы, как национальный язык и культура, национальный вопрос (правда, только на 4-м курсе и всего 1 час в неделю), а также промысловые предметы, а от изучения английского языка на Севфаке отказались. Количество часов, отведенных для изучения русского языка, увеличилось. С другой стороны, в учебный план были добавлены такие предметы, как физика и химия, необходимость изучения которых для студентов Севфака не представляется очевидной.

Если с точки зрения правления ЛИЖВЯ-ЛВИ такие изменения казались целесообразными, то позиция Комитета Севера с ней не

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 152 об.

совпадала. Это отражено в отзыве на учебный план Н.И. Леонова, представителя Комитета Севера¹¹, подготовленном в рамках процедуры утверждения учебных планов Севфака. Этот документ – важный источник, позволяющий составить мнение о позиции Комитета Севера относительно содержательного наполнения образовательного процесса на рабфаке. По мнению Н.И. Леонова, для севфаковцев больше подошло бы не предметное, а комплексное обучение, занимающее меньше времени и в большей степени способствующее развитию связного представления об окружающем мире, хотя бы в начале обучения (т. е. до 2-го курса включительно). Это объяснялось тем, что «разложение на элементы – процесс очень трудный, тем более трудный, чем менее человек влился в культуру» и психологически более просто – сложное, то есть сцепление явлений, жизнь в целом. Он предлагает вынести этот вопрос на обсуждение компетентных комиссий, а подход к Севфаку с общей меркой находит недопустимым¹².

Однако у Комитета Севера были замечания и в пределах предметного плана, разработанного в ЛИЖВЯ-ЛВИ.

Так, для подготовительного курса представлялось нецелесообразным отводить так мало времени на изучение математики, особенно на первом году обучения (всего 4 часа в неделю), а также «начаткам» естествознания, географии и, что важно, – знакомству студентов с общественной и трудовой жизнью «большого города, деревни, СССР в целом»¹³. Поскольку в учебном плане не было отведено времени на изучение этих предметов, в отзыве Н.И. Леонов отметил, что, видимо, просвещение в этом направлении предполагалось осуществлять «на уроках русского языка и политграмоты», а также физкультуры¹⁴, для изучения которых суммарно отводилось 14 часов в неделю (как ни странно, в программе по русскому языку на 1927/28 уч. г. предполагалось расширять словарный запас студентов с помощью чтения статей и бесед на темы, связанные с общим устройством города: «общее ознакомление с Ленинградом», «городская и негородская среда», «Ленинград как торгово-промышленный центр» и другие¹⁵).

Что касается основных курсов, то в отзыве критиковалось недостаточное внимание к изучению биологии, «знание которой имеет весьма важное значение для туземцев», и географии, которую автор отзыва считает для севфаковцев более важной, чем история. Это объяснялось тем, что представления туземцев о времени оценивались Н.И. Леоновым как более примитивные, тогда как представления о пространстве у них, по его мнению, были развиты лучше. Потому преподавание на Севфаке истории без географии, дающей представление о местоположении в мире СССР и других стран, с точки зрения Н.И. Леонова, просто не имело смысла. Также в отзыве отмечается «нелепость» отведения на старших курсах внимания промысловым предметам¹⁶.

Распределение учебных часов по специальным предметам, которые вводятся на Севфаке ЛИЖВЯ в 1927/28 уч. г. на старших курсах в рамках кооперативно-хозяйственного, педагогического «циклов», а также цикла советского строительства, изложено в табл. 3:

¹¹ Там же. Л. 1–2, 153–154.

¹² Там же. Л. 153 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 187.

¹⁶ Там же. Л. 153 об.

Таблица 3

Распределение учебных часов по специальным предметам
на Севфаке ЛИЖВЯ-ЛВИ в 1927/28 уч. г.

1. Для цикла советского строительства			
№	Предмет	3-й курс	4-й курс
1	Конституция СССР (в связи с учением о праве и государстве) и Временное Положение об управлении туземными племенами Крайнего Севера РСФСР	2	–
2	Организация и практика Советского строительства на Севере	–	4
3	Обычное право северных народностей	2	–
4	Советское право в связи с законодательством на Севере	–	2
5	Организация и практика туземных судов	–	2
6	Делопроизводство	2	2
Итого		6	10
Итого + основные предметы		30	30
2. Для кооперативно-хозяйственного цикла			
№	Предмет	3-й курс	4-й курс
1	Теория и история кооперации в связи с основами работы кооперации на Севере	2	–
2	Организация и практика кооперации	–	4
3	Товароведение	2	2
4	Счетоводство	2	3
5	Хозяйств. и кооператив. право	–	1
Итого		6	10
Итого + основные предметы		30	30
3. Для педагогического цикла			
№	Предмет	3-й курс	4-й курс
1	Система и организация народного образования в СССР в связи с основами школьного дела на Севере	2	–
2	Основы педологии	4	–
3	Частные методики (преподавания родного языка, русского языка, математики, обществоведения, физической культуры, ведения политпросветработы)	2	12
Итого		8	12
Итого + основные предметы		32	32

Замечаний по специальным предметам было высказано очень немного: предлагалось только параллельное изучение обычного права северных народностей и советского права в связи с законодательством на Севере, вместо того чтобы знакомиться с ними с разрывом в один год, поскольку предметы считались взаимосвязанными¹⁷. Таким образом, предложения В.Г. Богораза по развитию рабфака в той или иной мере все же реализовывались.

На момент составления отзыва Н.И. Леонов не имел доступа к учебным программам по предметам, упомянутым в учебных планах, что значительно усложняло фактическое вмешательство Комитета Севера в учебный процесс Севфака по существу. Поскольку объем и содержание знаний, даваемых Севфаком, должны были сильно отличаться от программ других учебных заведений, чтобы определить, насколько посильным и жизненно-необходимым был Севфаку весь комплекс предлагаемых для изучения предметов в связи друг с другом, представителям Комитета Севера нужно было обладать как программами, так и учебным планом. Поскольку они не были предоставлены правлением ЛИЖВЯ-ЛВИ, у Комитета была возможность дать отзыв только предварительного характера¹⁸.

Такое отношение к вопросу значительно усложняло реализацию всего замысла Севфака, если не препятствовало ему: и без того он подвергался постоянной критике ввиду исключительности своего положения среди других рабфаков¹⁹. В рассматриваемый период их деятельность была направлена скорее на формирование культурной целостности и единства так называемой прединтеллигенции, которую представляла собой советская молодежь с точки зрения власти²⁰. Функционирование рабфаков должно было также, с одной стороны, способствовать общей «пролетаризации» высшей школы, а с другой – корректировать низкий уровень подготовки абитуриентов существующих вузов²¹. Севфак же должен был готовить особую группу студентов к конкретной практической деятельности. Ввиду этих причин П.Г. Смидович выразил готовность направить в ЦИК обращение о дополнениях в Положении о ЛВИ, ограничивавших бы его влияние на дела Севфака. Однако, поверив «очередным заверениям» правления ЛИЖВЯ-ЛВИ в обязательном согласовании в дальнейшем своих планов и действий, связанных с Севфаком, с Комитетом Севера²², обращение было отложено.

Учебный план для нового 1928/29 уч. г. представлен в табл. 4 (таблица по специальным предметам не прилагается по причине отсутствия в ней принципиальных изменений).

Как можно заметить, при составлении этой программы были учтены некоторые замечания предыдущего года, однако полной перестройки учебного плана не произошло. Именно поэтому отзыв на новый план назван «дополненными замечаниями» к отзыву об учебном плане прошлого 1927/28 уч. г. В основном новые замечания касались образовательных программ, которые на этот раз

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 153 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 9. Д. 17. Л. 2.

²⁰ Тарасенко В.Н. Высшая школа и студенчество в эпоху НЭПа // Бизнес и дизайн ревю. 2017. № 4 (8) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyshshaya-shkola-i-studenchestvo-v-epohu-nepa> (дата обращения 25.01.2021).

²¹ Барунов В.Ю. Роль рабочих факультетов в формировании новой интеллигенции в начале НЭПа // Вестник КГУ. 2010. № 4. С. 60 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rabochih-fakultetov-v-formirovani-novoy-intelligentsii-v-nachale-nepa> (дата обращения 25.01.2021).

²² ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 152 об.

Таблица 4

Распределение учебных часов по общим предметам
на Севфаке ЛИЖВЯ-ЛВИ в 1928/29 уч. г.

№	Предмет	Мл. подг.	Ст. подг.	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс
1	Русский язык	11	10	8	6	4	2
2	Математика	8	6	6	4	4	2
3	Политическая грамота	3	4	5	–	–	–
4	История	–	–	–	3	3	4
5	Политическая экономика и экономическая политика	–	–	–	–	3	2
6	Национальный вопрос	–	–	–	–	–	1
7	Физическая география	–	–	4	–	–	–
8	Экономическая география	–	–	–	3	–	–
9	Народоведение	–	–	–	2	–	–
10	Национальный язык и культура	2	2	4	3	2	2
11	Биология	–	–	3	3	2	2
12	Физика	–	–	–	2	2	2
13	Химия	–	–	–	3	–	–
14	Графика	3	3	3	2	–	–
15	Промысловые предметы	–	–	–	2	2	2
16	Ручной труд	–	2	2	2	2	–
17	Физическая культура	3	3	–	–	–	–
	Итого	30	30	35	35	24	19

Источник: ГА РФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 155.

были приложены к учебному плану (например, по русскому языку, математике, физической географии, физике, рисованию), хотя не хватало и многих по важнейшим предметам (биологии, национальной культуре, естествознанию и краеведению)²³. Нехватка и неупорядоченность важнейших программ, а значит и недостаточное внимание к ним, показывало, согласно «дополнительным замечаниям», постоянство «исканий» Севфака²⁴, недопустимое с точки зрения Комитета Севера, но удобное для правления ЛИЖВЯ-ЛВИ, поскольку не требовало от него значительных трудозатрат на организацию и функционирование Северного отделения.

Учебный план Северного Отделения ЛВИ на 1929/30 уч. г. был в еще большей степени переполнен ненужными предметами, из учтенных замечаний было только введение комплексного обучения на подготовительных курсах²⁵.

Таким образом, как и во многих других вопросах, договоренности правления ЛИЖВЯ-ЛВИ по поводу согласования учебных вопросов с Комитетом Севера не выполнялись или выполнялись

²³ Там же. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 3.

слабо²⁶. Стало окончательно ясно, что правление ЛИЖВЯ-ЛВИ не намерено было учитывать специфику Севфака и сотрудничать в вопросах его устройства с Комитетом Севера.

Возможно, одной из причин неудач стала именно форма обучения – рабфак, в рамках которого составление собственных учебных планов оказалось возможным только к 1930 г., и даже тогда тем не менее не приветствовалось. Кроме этого, даже такие изменения делались в основном для связи предметов со специальностью вуза²⁷, тогда как Севфак требовал во всех отношениях особого подхода.

Итак, к 1929 г. надежда на возможность успешной реализации проекта в условиях принадлежности Севфака к ЛИЖВЯ-ЛВИ окончательно иссякла. Правление ЛВИ подходило к деятельности Севфака с формальных позиций и не было готово реально принимать во внимание его специфику, из-за чего постоянно вступало в конфликт с Комитетом Севера, деятельность которого, в свою очередь, была нацелена на развитие самобытного образовательного проекта с учетом, по возможности, всех его особенностей. Вместе с тем и сам Севфак, ранее немногочисленный и, возможно, неспособный к полноценному автономному существованию, за время пребывания при ЛГУ и ЛИЖВЯ-ЛВИ расширился и окреп, благодаря чему стала возможной постановка вопроса о выделении его в самостоятельный институт, свободный от влияния другого вуза и в большей степени доступный для поддержки Комитета Севера. Конечно, такой шаг предусматривал новые трудности.

²⁶ Там же. Л. 152 об.

²⁷ *Волобуева М.М.* Указ. соч. С. 54.

Кафедра

УДК 159.9:94
ББК 88.54

Е.А. Долгова

Методические рекомендации к построению дисциплины «Историческая психология»

В публикации предлагаются методические рекомендации для проведения лекционных и семинарских занятий по дисциплине «Историческая психология» (бакалавриат). В основу построения курса положена установка на практическое приложение психологических подходов и трактовок к традиционно историческим темам – исторической биографии, проблеме взаимодействия народной и интеллектуальной культуры, проблеме социального насилия, иррациональных социальных действий и движений в истории, наконец – проблеме устойчивости индивидуальной психики и коллективной идентичности в условиях экстраординарности, стратегии преодоления индивидуальных и коллективных исторических травм. В этом ракурсе особое внимание уделяется т. н. терапевтической функции истории и проблеме исторической памяти / забвения. Курс построен по хронологическому принципу, сочетаемому с элементами проблемной фокусировки на отдельных ключевых сюжетах. В этом отношении освоение дисциплины требует от обучающегося фактологических знаний и владения историографическим контекстом. Для освоения дисциплины необходимы знания, умения и владения, сформированные в ходе изучения следующих дисциплин и прохождения практик: теория и методология истории, психология, история древнего мира, средних веков, нового и новейшего времени.

Ключевые слова: историческая психология, история эмоций, психоистория, мышление, ментальность, терапевтическая функция, trauma studies

Дисциплина «Историческая психология» относится к вариативной части блока дисциплин учебного плана подготовки студентов-бакалавров по направлению «История». Целью курса является формирование у студентов через основных понятий, связанных с междисциплинарным подходом в современной исторической науке, единого представления об исторической психологии как субдисциплине, оказавшей значительное влияние на развитие исторической науки в XX в. Освоение дисциплины будет способствовать расширению представления студентов о методах исторического исследования (за счет применения психологических методов в исторической ретроспективе) и формированию навыков самостоятельного применения историко-психологического подхода в научных исследованиях (с опорой на полученное в рамках освоения курса представление о современном состоянии зарубежных и отечественных исследований по исторической психологии).

В основу построения курса положена установка на практическое приложение психологических подходов и трактовок к традиционно историческим темам – исторической биографии, проблеме взаимодействия народной и интеллектуальной культуры, проблеме социального

насилия в истории, иррациональных социальных действий и движений, наконец – проблеме устойчивости индивидуальной психики и коллективной идентичности в условиях социальных конфликтов и катастроф, стратегии преодоления индивидуальных и коллективных исторических травм. В этом ракурсе особое внимание уделяется т. н. терапевтической функции истории и проблеме исторической памяти / забвения.

Курс построен по хронологическому принципу, сочетаемому с элементами проблемной фокусировки на отдельных ключевых сюжетах. В связи с этим он требует определенной подготовки обучающегося – знания исторических фактов и владения историографическим контекстом. Для освоения дисциплины необходимы знания, умения и владения, сформированные в ходе изучения следующих дисциплин и прохождения практик: теория и методология истории, психология, история Древнего мира, Средних веков, Нового и Новейшего времени. В результате освоения дисциплины формируются знания, умения и владения, необходимые для изучения зарубежной и отечественной историографии.

Общая трудоемкость дисциплины составляет 3 з.е., 108 ч., из них 12 ч. отведено на лекционные, а 30 ч. – на семинарские занятия. Исходя из требований учебного плана, отводящего на каждое занятие два академических часа, к обсуждению предлагается ряд сквозных тем, охватывающих разные аспекты темы.

Тематически материал распределяется следующим образом.

Планы лекционных занятий

Лекция 1. Введение в историческую психологию (2 ч.)

Историческая психология как субдисциплина. Взаимодействие истории и психологии: стратегия присвоения. Этапы развития психолого-исторического знания. Основные направления и школы: историческая психология и психоистория.

Лекция 2. Психологическое направление в исторической психологии: европейская версия (2 ч.)

Историческая психология как сравнительно-описательная дисциплина. Предмет исследования – психологический склад отдельных исторических эпох, изменения психики и личности человека в истории. «Психология народов» В. Вундта, труды по психологии масс Г. Лебона, коллективная рефлексология В.М. Бехтерева, бихевиоризм Дж. Б. Уотсона, культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, историческая психология И. Мейерсона. История ментальностей и история эмоция – разработка исторической психологии в трудах представителей школы «Анналов».

Лекция 3. Психоаналитическое направление в исторической психологии: психоистория (2 ч.)

История и психоанализ. З. Фрейд и терапевтическая функция истории. Аналитическая психология К.Г. Юнга: коллективное бессознательное, архетипы. История как психодинамический процесс вытеснения и воспоминания. Прикладной характер исследований: изучение мотивации поступков человека во времени, преодоление индивидуальных и коллективных послед-

ствий исторических травм. Основные принципы и темы психоистории. Вильям и Вальтер Лангеры. Психоистория Э. Эриксона. Ллойд де Мос: история детства, история групп и психобиографии. Институционализация психоистории.

Лекция 4. Психологическая история эпох и психических процессов (2 ч.)

Психология первобытности: З. Фрейд «Тотем и табу». Концепция исторического развития мышления Л. Леви-Брюля. Палеопсихология и антропогенез в работах Б.Ф. Поршнева. Экспериментальные исследования под руководством А.Р. Лурия в Узбекистане.

Психологические основы античности: Проблема зарождения рационального сознания: от мифа к логосу, от общинного человека к политической личности. Античность и коммуникация. Формулы психологического склада античной личности. Римская часть античной формулы. Греческая гармония – римский практицизм. «Осевое время» К. Ясперса.

Лекция 5. Психологическая история эпох и психических процессов (2 ч.)

Психическая жизнь средневековья: Символическая картина мира человека средневековья. История повседневности для реконструкции картины психической жизни средневековья. Психологический склад средневековой личности. Сакрализация власти в народной культуре и ее ритуализация.

Ментальность Нового времени и рационализм: От религиозной мистики к земной аскезе. Книжное сознание Нового времени. Космогония. «Расколдовывание мира». Ното оесопотісис. Техническая цивилизация Нового времени. Рациональность и свобода. Индивидуализация сознания.

Лекция 6. Психологическая история эпох и психических процессов (2 ч.)

От современности к постсовременности. Современность как прошлое и настоящее. Тоталитарное воздействие на личность. Утопическое сознание в Новое время и в ХХ. «Рыночная личность» – психологический тип массовой культуры. Индивидуальный травматический опыт и историческое событие в ХХ в. Trauma studies. Memory studies. Терапевтическая функция истории: стратегии проговаривания и забвения.

Литература (учебная)

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.

Боброва Е.В. Историческая психология. СПб., 1997.

Забарин А.В. Психология толпы и массовых беспорядков: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2019. 211 с.

Ильин Г.Л. История психологии: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 389 с.

История исторического знания: Учебное пособие для бакалавров: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова; Под общ. ред. Л.П. Репиной (любое издание).

Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.

Кром М.М. Историческая антропология (любое издание).

Шкуратов В. Историческая психология (любое издание).

Планы семинарских занятий

Семинар 1. Понятие палеопсихологии и проблема исторического развития познавательных процессов (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Генезис речи и мышления: концепции и подходы в исторической и психологической литературе.
2. Коллективные представления в сознании первобытных людей: концепция пралогического мышления.
3. Экспериментальные исследования под руководством А.Р. Лурия в Узбекистане (1931–1932): научные результаты и дискуссия.

Источники

- Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование / Подгот. Е.Е. Соколовой // Психологическая наука и образование. 1997. № 4. С. 5–17.
- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Научный ред. Олег Вите. СПб.: Алетейя, 2007. С. 421–477.

Литература

- Люсьен Леви-Брюль и проблема исторического развития мышления // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1999. Предисловие.
- Ламдан Э. У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 53–65.
- Ясницкий А. «У узбеков ЕСТЬ иллюзий!»: Заочная полемика между Лурией и Коффкой // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 1–25.

Дополнительная литература

- Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. А.М. Воден. М.: ГИЗ, 1926. С. 54–69 (Глава 4. Умственные черты первобытного и цивилизованного человека).

Семинар 2. Историческая психология и история ментальностей: матрица школы «Анналов» (6 ч.)

Часть 1 (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Влияние психологии и этнологии на формирование исторической психологии.
2. «Outillage mental» VS чувствительность в истории: различие подходов М. Блока и Л. Февра.
3. Фернан Бродель и Робер Мандру: несбывшаяся альтернатива второго поколения школы «Анналов».

Источники

- Февр Л. История и психология // Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 97–108.
Февр Л. Чувствительность и история // Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 109–126.

Литература

- Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 501–541.
Лазарев А. Робер Мандру и судьба исторической психологии Люсьена Февра // Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640. Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010. С. 9–32.
Кром М.М. От истории ментальностей к исторической психологии // Кром М.М. Историческая антропология. М.; СПб., 2020. С. 21–31.

Часть 2 (2 ч.)

Коллоквиум по книге: Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. [с фр.] и коммент. В.А. Мильчиной. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 709 с.

Часть 3 (2 ч.)

Коллоквиум по книге: Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640. Эссе по исторической психологии [1961]. М.: Территория будущего, 2010. 328 с.

Семинар 3. Социальные фобии в истории: коллективные иллюзии, мании и страхи (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Социальные фобии в истории: исторические, психологические, медицинские трактовки.
2. Чудеса и эсхатологические ожидания в средневековой Европе.
3. Психопатические эпидемии в истории: самобичевание, тарантизм, пляски св. Витта и др. Эрготизм.
4. Механизмы распространения коллективных идей: внушение, подражание, убеждение.

Литература

- Бехтерев В.М.. Внушение и его роль в общественной жизни [1908]. СПб.: Питер, 2001. 254 с.
Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Глава 7. Материальная жизнь (особ. с. 280–291).

Дополнительная литература

- Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994.
Реньяр П. Умственные эпидемии. Историко-психиатрические очерки. М.: Юрайт, 2019. 208 с.
Waller John C. A forgotten plague: making sense of dancing mania // The Lancet. Elsevier, 2009. February (Vol. 373, no. 9664). P. 624–625 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S0140-6736%2809%2960386-X> (дата обращения 21.01.2021).

Семинар 4. Психология «людей книги» и психология людей, живших в условиях «устного слова» (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Книжная культура и ее влияние на картину мира: реминисценции и рецепция.
2. Круг чтения: домашние библиотеки и их наполнение.
3. Читатель и слушатель: диалог интерпретаций в народной культуре.

Литература

Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. [1976]. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. С. 277–301 (Культурные связи и структуры социальности: книга и посиделки).

Дополнительная литература

Кудрявцев О.Ф. Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» // Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. [1976]. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5–28.
Медик Х. Народ с книгами. Домашние библиотеки и книжная культура в сельской местности в конце раннего Нового времени. Лайхинген (1748–1820) // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 181–222.

Семинар 5. «Тайны одной души»: биография в исторической психологии и психоистории (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Историко-психологический и психоисторический подходы к биографии: исследовательская оптика, опорные точки, интерпретации.
2. Гендерные, возрастные, конфессиональные штрихи к биографии.
3. Индивид и осознание себя в истории: биография типическая и маргинальная.

Литература

Буллит У., Фрейд З. Вудро Вильсон. Двадцать восьмой президент США: Психологический портрет. М.: Канон +, 2017. С. 55–328.
Дэвис Н.З. Еще раз о самозванцах: от Мартина Герра до Соммерсби // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. М., 2003. Кн. II. С. 171–188.
Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века [1995]. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 236–252 (Заключение).

Дополнительная литература

Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х гг. М.: Языки русской культуры, 1999. 559 с.
Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1996. 560 с.

Семинар 6. Человек в мире чувств: стереотипное и индивидуальное (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Как работать с эмоциями в истории: исторические источники и методологические подходы.
2. Семейные заботы, радости и печали: связи и разрывы.
3. Эмоциональные контакты: дружба и вражда.

Источник: Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельд-маршала графа Бориса Петровича Шереметева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Dolgorukaja/text.phtml?id=468> (дата обращения: 21.01.2020)

Литература

- Бессмертный Ю.Л.* Частная жизнь и индивид. Предварительные итоги // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. С. 345–353 (глава 13).
- Гуревич А.Я.* Филипп Арьес: смерть как антропологическая проблема // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти [1977]. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 5–32.
- Репина Л.П.* Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. С. 12–32 (глава 2).

Дополнительная литература

- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке [1973]. Екатеринбург: Ид-во Уральского университета, 1999.
- Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти [1977]. М.: Прогресс-Академия, 1992.

Семинар 7. Индивид и толпа: природа и характер революционного насилия (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Иррационализм социального насилия: феномен психического заражения.
2. «Преступная толпа»: человеческая «психопатология» революции.
3. Анатомия толпы: группы и лидеры.

Литература

- Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2010. С. 7–13 (От автора); С. 141–302 (Глава 2: Психология масс и векторы социального насилия), С. 514–586 (Глава 5: Истощение энергии хаоса и вторичные волны насилия).
- Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 91–126 (глава 2: Рабочие бунтуют: Великое кошачье побоище на улице Сен-Северн).
- Сигеле С.* Преступная толпа: опыт коллективной психологии. М.: Академический проект, 2011. 125 с.

Дополнительная литература

- Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.
- Лебон Г. Психология масс / Пер. Э.К. Пименова, А. Фридман. М.: Юрайт, 2019. 264 с.

Семинар 8. Исторический эксперимент в социальной психологии (2 ч.)

Содержание: обсуждение кинофильма «Эксперимент – 2: ВОЛНА».

Источники

- Кинофильм: «Эксперимент – 2: ВОЛНА» / реж. Денис Ганзель, 2008 (Germany). 110 мин.
- «The Wave home: ORIGINAL THIRD WAVE CLASS (1967)»: официальный сайт участников эксперимента «Третья Волна» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thewavehome.com/> (дата обращения: 21.01.2020), разделы: Stories, Museum, Resources.

Литература

- Джонс Рон. Третья волна // Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 260–276 [Электронный ресурс]. URL: http://history.pstu.ru/wp-content/uploads/2014/05/Ron_Dzhons_Tretya_volna.pdf (дата обращения 21.01.2020).

Семинар 9. Неофициальная коммуникация: ее уровни и элементы (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Устный (современный) фольклор как нетрадиционный источник. Стратегии выявления данных.
2. Слухи и сплетни в массовых коммуникациях. Анекдот как коммуникация в «закрытом обществе».
3. Виды источников с фиксациями анекдотов и слухов.

Источник: Мельниченко М. Советский анекдот: указатель сюжетов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1104 с. (Раздел на выбор обучающегося)

Литература

- Голубев А.В. Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования? (На примере внешнеполитических представлений 1920-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 301–313.
- Колоницкий Б.И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура // Вестник истории литературы и искусства. 2006. Т. 3. С. 362–378.
- Мельниченко М. Советский анекдот. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 7–68 (Введение. Анекдот и его фиксация. Виды источников с фиксациями анекдотов).
- Нарский И. Как коммунист черта расстрелять хотел: апокалипсические слухи на Урале в годы Революции и Гражданской войны // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 231–255.

Дополнительная литература

Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 231–255.

Семинар 10. *War mentality* в зарубежной и российской историографии: темы и методологические подходы (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. «Человек воюющий»: опыт построения индивидуальной биографии.
2. За линией фронта: ребенок, женщина, тыловик в экстремальной повседневности.
3. Образ врага как предмет историко-психологического исследования.
4. Фронтное поколение как социально-психологический феномен.

Источник: Трое из миллионов: [Георгий Алексеевич Князев, Юра Рябинкин, Лидия Охапкина] // Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб., Азбука, 2016.

Литература

Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145 [Электронный ресурс]. URL: <http://российская-история.рф/archive/2002-4> (дата обращения 21.01.2020).

Диалог о книге «Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг.» Сергея Ярова // Российская история. 2014. № 3. С. 3–43 [Электронный ресурс]. URL: <http://российская-история.рф/archive/2014-3> (дата обращения 21.01.2020).

Дополнительная литература

Козлов В.П. Три «радиуса» архивиста Г. А. Князева. Размышляя над дневниковыми записями директора Архива Академии наук СССР 1941–1945 // Вестник архивиста. 2010. № 1. С. 135–152; № 2. С. 198–213.

Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки: [На примере двух мировых и афганской войн]. М.: Изд. центр ИРИ, 1997. 226 с. [Электронный ресурс]. URL: [http://iriran.ru/sites/default/files/Senyavskaya%20E.S._Chelovek%20na%20voine\(1997\).pdf](http://iriran.ru/sites/default/files/Senyavskaya%20E.S._Chelovek%20na%20voine(1997).pdf) (дата обращения 21.01.2020).

Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб.; М.: Центрполиграф, 2012. 603 с.

Семинар 11. История по ту сторону травмы: свидетели и стратегии преодоления (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Индивидуальный травматический опыт и историческое событие.
2. Фигура свидетеля как проводника памяти.
3. Конструирование и разрушение исторической травмы.
4. Мнемонические стратегии и терапевтическая функция истории.

Литература

- Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
- Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/1/trauma-studies-istoriya-reprezentaciya-svidetel.html> (дата обращения 21.01.2021).
- Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–44.

Дополнительная литература

- Сонтаг С. Смотрим на чужие страдания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Семинар 12. Лонгитюдное исследование и *current history* (4 ч.)

Содержание: обсуждение кинофильма «Рожденные в СССР».

Источник: Кинофильм «Рожденные в СССР» (реж. Сергей Мирошниченко). Ч. 1–5: [7 лет, 14 лет, 21 год, 28 лет].

Литература

- Браймен А., Белл Э. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2012 (Глава 3. Дизайн исследования: Лонгитюдные исследования: панельное, когортное; сферы применения, особенности организации, стратегия анализа).
- Шуман Х., Скотт Дж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.

Abstracts

Baklanov Daniil A.

Michael Karpovich:
touches to the intellectual biography

The article is dedicated to analysis of the scholarly activity and biography of Michael Karpovich – historian-emigrant, Professor of Harvard University. The author reviews the pre-emigrant period of the scholar's life, researches his first works written in USA in 1930s that became a basis for his construction of coherent and full-fledged concept of Russian intellectual history. A special emphasis is put on the 1940–1950s – the chronological period considered the peak of his academic career. The article focuses on the late works of Karpovich, particularly “Lectures on the Intellectual History of Russia”, which are the pinnacle of his research and teaching activities. Finally, the author comes to the conclusion about the huge influence of the professor on the development of Russian studies in the USA.

Keywords: M. Karpovich, intellectual history, Russian diaspora, Russian studies in the USA

Seliverstov Igor K.

Russian cinema in the pre-revolutionary years.
The formation of the “epic of urban philistinism”
between ideology and the market

The article is devoted to the identification of trends and features of the development of Russian cinema in the 1910s in the context of the formation of a new urban culture. Power discourse, theoretical discourse, and public discourse are linked around a single idea of cinema and the formation of a specific “vocabulary” of the decade being studied. The author emphasizes that the psychological shift of cinema in the 1910s opened a new pole of cinema, the opposite of the eccentric or farcical, intended solely for the entertainment of the urban lower classes, but its success with the public was short-lived. However, the role of power and power discourse was not great. Despite attempts at nationalization, the Russian film market still worked for the public, and not for the state order.

Keywords: pre-revolutionary cinema, discourse analysis, intellectual history, mass psychology, ideology

Sliskova Valeriya V.

“Rejuvenating impulse”: scientific researches
at the Institute of Experimental Biology in 1920s

The article deals with experimental biomedical researches on human rejuvenation at the Institute of Experimental Biology in 1920s. In the beginning of the 20th century the idea of rejuvenating became especially popular because of the advancement of natural sciences. In early Soviet period the idea was interrelated with the communist utopia and the ideas of building a scientific society and creating a new man. Biology and medicine played a major role on this issue. So, rejuvenation attracted the attention of scientists and got into research laboratories. The Institute of Experimental Biology was one of the leading scientific centers on rejuvenation in Soviet Russia.

Keywords: Institute of Experimental Biology, biomedicine, rejuvenating, I. Kogan, A. Zamkov, M. Egorov

Dedushenko Konstantin S.

A study of relaxing: the modeling of reality
in the magazine “Selskaya molodezh” (1965–1985)

This article is dedicated to the research of ideal patterns of behavior and lifestyle of Soviet young countrymen transmitted by the specialized press in 1965–1985. The author has chosen as his main source the magazine “Selskaya molodezh”, which was the most popular among magazines reviewing this social group. Special features of country leisure time are examined through articles, essays and letters published in this issue. The importance of sport for the lifestyle of Soviet rural youth is pointed in the paper, including the review of the most popular disciplines and the possibility of competition and further development in this area. The cultural life in the countryside, the perspective of the creation of musical ensembles and theatre groups are examined in a similar way.

Keywords: Rural youth, Komsomol, Soviet youth, the Brezhnev epoch, Soviet sport

Romanova Mariya A.

“The Booth of Glasnost” as a phenomenon
of independent Russian television

The article considers the issues of the TV program “Booth of Glasnost”. It was created on the basis of the oldest independent private television company in Russia “Author’s Television” and released in the period from 1991 to 1993. The author analyzes public opinion and the most discussed issues on political, social, religious and national topics. This TV program has become not only part of the process of the democratization of the

media and the implementation of the policy of glasnost and freedom of speech, but also a marker of changes in the meanings and methods of communication on television during the Perestroika era.

Keywords: independent television, freedom of speech, glasnost, public opinion, Russian television, Perestroika

Musin Vadim K.

The economic models in historical studies through the explanation of the Chilean “economic miracle” from the point of view of the neoclassical Solow-Swan model

This article addresses the use of economic models in historical studies through the explanation of the Chilean “economic miracle” from the point of view of the neoclassical Solow-Swan model. This model was created in the second half of the 20th century and has had a significant impact on the further development of macroeconomics and the study of developing economies. It has been used in studies of Japanese and Korean economic wonders, and so the Solow-Swan model may seem relevant for the analysis of similar socio-economic phenomena. The interdisciplinary approach in contemporary historical science has been actively applied in many studies analysing socio-economic processes at different periods of human history, but not all methodology used in other sciences, turns out to be relevant to the subject of historical research. This article is intended to show that not all theoretical economic models, even if they are fundamental and scientifically relevant, can be universally applicable. The experience of the Chilean economic miracle was chosen as the best example of a successful transition from the import substitution model, which was most common in the post-war period in the Latin American countries, towards a neo-liberal model of economic development.

Keywords: history, economics, Latin America, Chile, neoliberal reforms, Solow-Swan model

Balkova Elizaveta A.

Evolution of the image of La Llorona in the Mexican cinema

This article focuses on the identification and analysis of changes in the image of the Mexican folk character La Llorona, or the Wailer, in the national cinema. In the period between 1933–2016 10 films were released and all of them were analyzed in this article. The relevance of this work lies in the importance of La Llorona for Mexican culture. Image of this female character lives in the minds of people and their art for more than five centuries, and during this time it has been reconsidered many times, since each generation actualizes it in its own way. Cinema reflects the evolution of interpretations of the image of La Llorona over the period of eighty-three years. During this time, many changes have happened,

but little attention has been paid to study of it, not only in Russian, but also in foreign historiography. However, identification and analyzing of these changes can help to better understand both Mexican culture and its carriers. To achieve this goal, three stable aspects in the image of La Llorona were identified, all of them remain unchanged in every interpretation. In fact, these aspects, these basic details make La Llorona who she is. These include the stage of transformation, activity after it and relationships with living characters. After the unchangeable aspects were discovered, it became possible to highlight the changing ones. As a result of their analysis, four tendencies were identified, reflecting not only changes in the image, but also the request for this from the viewership.

Keywords: Mexico, culture, history, folklore, cinema, identity, La Llorona

Pravotorov Boris A.

Formation and activity of the Orthodox church in South America (1887–1917)

The article is devoted to the study of the history of the construction of Orthodoxy in South America. The article examines the activities of the Orthodox Church in South America since 1887, when local Orthodox communities turned to the Russian Emperor Alexander III with a request to open the first Orthodox Church in South America, until 1917, when the Russian Empire ceased to exist. The main focus is on the activities of Archpriest Konstantin (Izraztsov), under whom the Orthodox Church began to play a major role in the adaptation of emigrants to other ethnic, religious, and cultural environments, becoming one of the centers of Slavic and Orthodox emigration in South America.

Keywords: the Orthodox Church, the Russian emigration, Izraztsov, Argentina, The Russian Orthodox Cathedral of the Most Holy Trinity in Buenos Aires

Shevyakova Kseniya S.

In search of “black gold”: a Latin American episode in the scientific biography of Foma A. Trebin

The article is devoted to the Latin American episode of the scientific biography of the oil scientist, gas specialist, Doctor of Technical Sciences and Professor Foma Trebin. The author analyzes the circumstances of the appointment of a scientist to the post of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR to Venezuela in 1946–1950, describes interesting plots of his scientific activities, and also characterizes the degree of influence of this appointment on his subsequent scientific career. Special attention is paid to F.A. Trebin's analysis of the oil industry of Venezuela in 1948–1949, particularly, to his forecasts about the further development of this industry in the country. The author makes a conclusion about the specifics of the situation in which Foma Trebin worked

and the subsequent severance of diplomatic relations between Venezuela and the USSR. This article is based on a wide range of unpublished materials from the funds of the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Latin America, Venezuela, economy, F.A. Trebin, scientific biography, oil

Nerush Varvara O.

Curricula for “The Northern Rabfac”: about
an interdepartmental conflict in Leningrad in 1925–1930

The article is devoted to the analysis of the curricula for the Northern Faculty, where representatives of the indigenous small-numbered peoples of the North studied in Leningrad in the 1920s. The documents reflect the conflict between two departments: the institutes as part of which the Faculty was located during the period under review, and the Committee of the North, which was responsible for the compliance of the activities of the Northern Faculty with the interests of national policy. The article draws a conclusion about the difficulties of cooperation between the two departments that controlled the activities of the Northern Faculty. It explains the need for transformation of the faculty in 1930 into a separate educational institution – the Institute of the Peoples of the North.

Keywords: Northern Faculty, Sevfak, Institute of the Peoples of the North, indigenous peoples of the North, Committee of the North, Leningrad Institute of Living Oriental Languages, Leningrad Oriental Institute

Dolgova Evgeniya A.

Historical Psychology: classroom discussion plans
and methodological guidelines

The paper offers methodological guidelines and classroom discussion plans on the course “Historical Psychology” (bachelor’s degree). The course is based on the practical application of psychological approaches and interpretations to traditional historical plots – historical biography, the problem of interaction between popular and intellectual culture, the problem of social violence, irrational social actions and movements in history, and finally – the problem of the stability of the individual psyche and collective identity. Special attention is paid to the therapeutic function of history and the problem of historical memory / oblivion. The course is based on a chronological principle, combined with elements of problem focus on individual key subjects. In this regard, the development of the discipline requires the student to have factual knowledge and knowledge of the historiographical context.

Keywords: historical psychology, history of emotions, psychohistory, thinking, mentality, therapeutic function, trauma studies

Сведения об авторах

Алипов Павел Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, palipov@mail.ru

Бакланов Даниил Антонович – студент кафедры истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, bdaniil.01@mail.ru

Балкова Елизавета Алексеевна – студентка Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, balkova.elis@gmail.com

Дедушенко Константин Сергеевич – студент кафедры истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, dedouchenko@yandex.ru

Долгова Евгения Андреевна – доктор исторических наук, доцент Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, medievalis@list.ru

Косиченко Иван Никитович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, ivan.kosichenko@gmail.com

Мусин Вадим Кириллович – студент Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, vadimusin@rambler.ru

Неруш Варвара Олеговна – студентка кафедры истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, var990716@mail.ru

Правоторов Борис Александрович – студент Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, horvat741223@gmail.com

Романова Мария Александровна – магистрант факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, romanova.m@rggu.ru

Селиверстов Игорь Константинович – студент кафедры истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, igrslvrstv81@gmail.com

Слискова Валерия Викторовна – магистрант кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета, vvaleriess@gmail.com

Шевякова Ксения Сергеевна – студентка факультета архивоведения и документоведения Историко-Архивного института Российского государственного гуманитарного университета, ksenia.sheviakova99@gmail.com

General data about the authors

Alipov Pavel A. – PhD in History, associate professor, Faculty of History, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities, palipov@mail.ru

Baklanov Daniil A. – student, Faculty of History, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities, bdaniil.01@mail.ru

Balkova Elizaveta A. – student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Faculty of History, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities, balkova.elis@gmail.com

Dedushenko Konstantin S. – student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dedouchenko@yandex.ru

Dolgova Evgeniya A. – Dr in History, associate professor, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, medievalis@list.ru

Kosichenko Ivan N. – PhD in History, senior lecturer, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Faculty of History, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities, ivan.kosichenko@gmail.com

Musin Vadim K. – student of the Yuri Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Faculty of History, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities, vadimusin@rambler.ru

Nerush Varvara O. – student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, var990716@mail.ru

Pravotorov Boris A. – student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Faculty of History, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities, horvat741223@gmail.com

Romanova Mariya A. – postgraduate student, Faculty of Documentary and Archival Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, romanova.m@rggu.ru

Seliverstov Igor K. – student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, igrslvrstv81@gmail.com

Shevyakova Kseniya S. – student, Faculty of Documentary and Archival Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ksenia.sheviakova99@gmail.com

Sliskova Valeriya V. – postgraduate student, Faculty of Documentary and Archival Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vvaleriess@gmail.com

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 6,1.
Заказ № 1196

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6